

18+

18+

ПАЛЕКСАНДР
ОКУТНИЙ

ПИВО, СИГАРЕТЫ И ТРУП В ВАННОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр Покутний

Пиво, сигареты и труп в ванной

«Автор»

2026

Покутний А.

Пиво, сигареты и труп в ванной / А. Покутний — «Автор», 2026

Есть три вещи, которые я ненавижу: похмелье, соседку-алкашку и вопросы без ответов. Вчера у меня в ванной лежал труп. Сегодня он сидит на кухне и пьет мой виски. Говорит, что его зовут Сережа, он таксист, и его убили из-за дурацкого заказа. Но Сережа - не просто покойник. Он - «брак», неудавшийся эксперимент тайной корпорации «Швейная Фабрика». Оказывается, реальность - это ветхая ткань, которую кто-то постоянно латает людьми. А я, вечно пьяный студент, вижу швы. И теперь «Фабрика» хочет либо стереть мне память, либо сделать своим агентом. В нагрузку к Сереже идет полоумная собака, которая обсикает призраков, и дед с ружьем в лесу, который тоже знает слишком много. Спасаться бегством - бесполезно. Бить морду - себе дороже. Остается только разобраться, кто и зачем шьет этот ебанный мир из наших душ. Художник обложки: Александр Покутний

© Покутний А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	28
Глава 12	31
Глава 13	34
Глава 14	40
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	54
Глава 18	58
Глава 19	62
Глава 20	68
Глава 21	76

Александр Покутний

Пиво, сигареты и труп в ванной

Глава 1

7 августа 2025. Хуже всего в дерьмовой жизни – это то, что ты к ней привыкаешь, как в общем и всему.

Четверг. Чёртов дождь бьёт по подоконнику моей конуры. В холодильнике — две банки дешёвого пива и заплесневелый сыр. Я дописываю курсач, затягиваюсь винстоном и понимаю — мне пиздец. Потому что из ванной уже третий день пахнет гнилью, а соседка стучит по батарее, как будто это поможет.

Я встаю, отпиваю тёплого пива, иду к двери ванной. Открываю.

Там лежит мужик. Мёртвый. В пиджаке и носках в ромбик. Лицо – как у моего декана после защиты диплома.

Я закрываю дверь. Закуриваю.

Я беру вторую банку, отламываю крышку об край стола. Пиво тёплое, дерьмовое, но хоть какое-то оправдание тому, что я сейчас не ору в панике, а просто сижу и смотрю на эту хрень. Труп не шевелится. Пока что.

Я делаю глоток, закуриваю ещё одну сигарету. В голове – туман, но я хотя бы не блюю. Пока что.

Мужик в ванной не исчез.

Я прикидываю: если вызвать ментов – мне пизда. Если выкинуть труп – тоже пизда, потому что я хлюпик, а он явно тяжелее, чем выглядит. Если оставить всё как есть – запах скоро станет таким, что даже соседка-алкашка забеспокоится.

Я плюю на пол, открываю дверь ванной снова.

Труп улыбается.

Нет, серьёзно. Рот у него сейчас шире, чем был минуту назад. Или мне уже мерещится?

Я наклоняюсь ближе.

Банка в моей руке липкая от конденсата. Я замахииваюсь – и бью мертвяка по лбу со всей дури. Раздаётся глухой "бдыщ", как по мокрому мешку с костями. Голова отскакивает, стучается о кафель. Рот мертвеца захлопывается.

– Ну и хуй с тобой, – говорю я вслух и делаю глоток пива.

Потом слышу хруст.

Глаза мертвеца открываются. Не то чтобы полностью – веки просто дёргаются, как у пьяницы, который пытается не отрубиться. Пальцы скребут по эмали ванны.

Я отступаю, спотыкаюсь о порог и плюхаюсь на жопу. Пиво выплёскивается мне на грудь.

– Э-эй, падаль, – сиплю я. – Ты ж внатуре сдох.

Он садится.

Шея у него хрустит, как ветки под сапогом. Голова болтается, но он её поправляет – медленно, будто вспоминая, как это работает. Потом поворачивается ко мне.

– Ты... – он хрипит, как старый радиоприёмник. – Ты... разбудил...

Я сижу на жопе в луже пива, смотрю на эту шевелящуюся мразь и понимаю – мне похуй. Совсем. Настолько похуй, что даже страх прошел. Где-то там, в параллельной реальности, нормальные люди спят, ебутся или готовятся к экзаменам. А у меня – вот это.

– Ты заебал, – говорю я, закуривая новую сигарету прямо с мокрого фильтра. – Иди нахуй ложись. Что ты как чертила, а?

Мертвяк замирает. Его пальцы перестают скрести эмаль. Глаза (ну, те полоски мутного желтка, что у него были за веками) медленно поворачиваются ко мне.

– Я... – он начинает.

– Я-я-я, – передразниваю я, сплевывая табачную крошку ему между глаз. – Ты труп. Твое дело – вонять и разлагаться. Нехуй тут пантомимы устраивать.

Наступает тишина.

Потом он медленно поднимает руку (пальцы слиплись, как старые салфетки) и показывает мне средний палец.

Я фыркаю. Достаяю из кармана мятый полтос, сую ему в рот.

– На, купи себе новый мозг, debil.

Мертвяк всхлипывает. Его слезы каплют в ванну с густым плюхом, как холодец с крыши девятиэтажки. Я сижу, курю, смотрю на эту жалкую хуйню и чувствую себя последним ублюдком.

— Мне... меня... — он давится словами, — меня... убили?...

Я вздыхаю, протягиваю ему свою последнюю сигарету. Он берет дрожащими пальцами, затягивается — дым выходит через дырку в шее.

— Ну и хули ты ко мне приперся? Я ж не гробовщик.

— Я... я... не знаю...

За окном воеет пьяная баба. Где-то падает мусорный бак. Жизнь идет.

Глава 2

7 августа 2025. А зачем мне всё это?

Пару лет назад я попытался сдохнуть.

Не то чтобы у меня были веские причины — просто накатило. Всё казалось каким-то бутафорским: учеба, отношения, даже собственное отражение в зеркале. Как будто я уже давно умер, а все вокруг просто не заметили.

Я выпил таблеток. Проснулся в больнице с трубкой в горле и ощущением, что меня обманули. Не то чтобы я жаждал смерти — скорее, хотел проверить, почувствую ли я хоть что-то.

Оказалось, почувствовал. Потому что когда меня выписали, я начал видеть их.

Сначала думал — галлюцинации. Побочка от таблеток, недосып, алкогольная интоксикация. Но они не исчезали.

Старуха в автобусе, которая на каждой остановке шептала пассажирам даты их смерти. Безголовый мужик в подъезде, методично вытирающий кровь с шеи грязной тряпкой. Девочка на детской площадке, которая смеялась, пока из ее рта не начали выпадать зубы.

Я пытался игнорировать. Пил. Курил. Забивал на учебу. Но они не уходили.

И самое пиздецовое — они знали, что я их вижу.

— Ты... — мертвяк в ванной ковыряет пальцем дырку в своем горле, — ты видишь нас всех, да?

Я закуриваю (сигарету нашел в кармане, чудом сухую).

— Вижу.

— Тогда... помоги.

Я фыркаю.

— Помочь? Тебе? Ты уже сдох, дружок. Тебе помочь может только крематорий да ведро с известью.

Мертвяк вздыхает (что странно, ведь легких у него, судя по всему, уже нет).

— Меня... убили.

— Ну и?

— Ну и я тут..

Я затагиваюсь, смотрю на него.

— И что, я теперь Шерлок?

За окном воеет сирена. Где-то далеко бьют стекло.

Я понимаю — если не выкину этого дебила сейчас, он прилипнет ко мне, как все остальные.

Но в холодильнике пусто. В карманах — пыль. А этот ублюдок, кажется, знает, где его кошелек.

— Ладно, — говорю я, вставая. — Где твоё тело?

Мертвяк ухмыляется (рот трещит по швам, как старый диван).

— В лесу.

— Пиздец.

— Но я помогу!

— Как? Ты ж даже сигарету держать не можешь.

Он поднимает дрожащую руку и тычет пальцем мне в грудь.

— Ты же видишь мертвых.

— Ну.

— Значит, можешь спросить у них.

Я замолкаю. Потом медленно выдыхаю дым ему в лицо.

— Ты, блядь, гений.
За стеной соседка начинает орать пьяные частушки.
Похоже, мне опять не спать.

Глава 3

7 августа 2025. Что не сделаешь ради чужого кошелька.

Дождь закончился, но воздух остался влажным и тяжелым, будто пропитанным свинцом. Мы с Серёгой бредём вдоль заброшенной железной дороги, где рельсы давно покрылись рыжей коррозией, а шпалы проросли бурьяном. Мой спутник ковыляет, как марионетка с перерезанными нитками — его левая нога волочится по земле, оставляя за собой влажный след из гниющей плоти.

— Ты уверен, что там? — спрашиваю я, закуривая последнюю сигарету. Дым смешивается с туманом, создавая призрачные кольца в лунном свете.

Серёга останавливается, чтобы поправить отваливающуюся челюсть. Его пальцы проваливаются в разложившуюся щёку, как в гнилое яблоко. "Вроде да. Там поляна, а за ней — овраг. Меня туда и кинули."

— Кто?

— Х. З.

— Что?

— Хуй знает.

Его плечо с хрустом выскакивает из сустава, когда он пожимает им.

— Я ж не видел, кто стрельнул. Только слышал, как кто-то сказал: 'Положи его с остальными'.

Я задумываюсь над этой фразой, пока мы пробираемся через чахлый перелесок. Ветки цепляются за одежду, как костлявые пальцы. В желудке урчит от дешёвого пива, а в голове — привычный туман. Идеальные условия для поиска трупа.

Лес встречает нас неестественной тишиной.

Не просто отсутствием звуков — а полной, абсолютной глухотой, будто кто-то выключил все частоты. Даже наши шаги не издают звуков. Серёга вдруг останавливается у кривой берёзы, ствол которой покрыт странными царапинами — слишком ровными для природных.

— Вот здесь.

Осматриваю место. Трава примята широкой полосой, будто что-то тяжёлое волочили. На земле — тёмные пятна. Место явно копали — земля рыхлая, комья разбросаны. Палкой поддеваю верхний слой. Под ним — чёрный полиэтиленовый мешок, завязанный на узлы. И он... шевелится.

— Эээ, — говорит Серёга. — Это не я.

— Откуда знаешь?

— Я бы так не дёргался. Я более... плавный.

— Что значит более плавный? Как ты, блять, это вообще понял?

— Ну, мне так кажется

Развязываю мешок. Внутри — собака. Живая, но едва. Грязная шерсть, рёбра, выпирающие под кожей, глаза мутные, но... осознающие. Она смотрит на меня. Потом — на Серёгу. И тогда начинается кошмар.

Пёс не лает. Он издаёт звуки, которые не должны исходить из собачьей глотки — что-то между детским плачем и скрипом несмазанных петель. Его пасть растягивается слишком широко, обнажая зубы, которые... которые движутся, как отдельные существа.

— Охуенно, — бормочу я. — Теперь ещё и псина нас видит.

Серёга наклоняется, его носовая перегородка с треском ломается от движения. — Ты чего, шавка?

Собака внезапно замолкает. Её ноздри раздуваются, вдыхая воздух. Затем происходит нечто невозможное — её шкура приподнимается, будто под ней что-то шевелится. И в этот момент я понимаю: это не собака. Вернее, не только собака.

Она делает прыжок — но не на меня. На Серёгу. Её челюсти смыкаются на его гниющей руке с звуком разрываемой ткани. Из раны вытекает не кровь, а что-то густое, цвета ржавчины.

— Ай, блядь! — орёт Серёга, трясая конечностью. — Отстань, тварь!

Собака впилась в рукав, её зубы скрежещут по ткани, но не рвут её — будто она не хочет кусать по-настоящему, а только пугает. Серега трясет рукой, пытаясь сбросить пса, но он держится мертвой хваткой, его глаза — мутные, но осознающие — сверлят меня.

— Это не моя шавка! — кричит он, делает шаг вперед.

И тут я замечаю другой мешок.

Чуть дальше, под кустом, лежит ещё один чёрный полиэтиленовый пакет, тоже завязанный на узлы. Он не шевелится. Но от него исходит запах — не гнилой, не тленный, а резкий, химический, как формалин.

Собака внезапно отпускает руку и отскакивает назад, её шерсть дыбом, хвост поджат. Она смотрит на второй мешок и скулит — тихо, жалобно, будто боится.

— Что там? — спрашиваю я, но Серёга уже подходит к пакету.

Он наклоняется, его пальцы (полусгнившие, с отваливающимися ногтями) развязывают узлы. Полиэтилен с шуршанием расходится, и...

Там лежит Серёга.

Точнее, его тело.

Свежее.

Без следов разложения.

В том же пиджаке, в тех же носках в ромбик.

Но без пулевого отверстия в голове.

Я смотрю на живого (ну, условно живого) Серёгу, потом на труп в мешке.

— Ты... это ты?

Серёга молчит. Его глазницы (пустые, тёмные) прикованы к собственному лицу.

— Не знаю, — наконец говорит он.

— Как это «не знаешь»?

— Я... не помню, как умер.

Собака скулит, поджимает хвост и пятится назад.

Я подхожу ближе, разглядываю тело.

Оно дышит.

Грудь поднимается и опускается.

— Серёга, — медленно говорю я. — Ты... живой.

Он смотрит на меня.

— Но я же...

— Ты не труп. Ты призрак.

Тишина.

Даже собака перестала скулить.

Потом Серёга медленно поднимает руку и тычет пальцем в грудь мертвеца в мешке.

— Тогда... кто это?

Я переворачиваю тело.

На спине — клеймо..

Тот же знак, что и на собаке.

Глава 4

7 августа 2025. Теперь этого утырка вдвое больше, как и вопросов.

Я смотрю на тело в мешке, потом на Серёгу. Он стоит, переминаясь с ноги на ногу, его пальцы нервно теребят дырку в животе.

— Ну, Серёг, — говорю я, закуривая последний окурочек. — Давай попробуем.

— Че попробуем?

— Влезть обратно в свою тушку.

Он хлопает глазницами.

— Ты это серьёзно?

— А хули терять?

Серёга чешет гнилым пальцем то, что когда-то было затылком.

— Ну... а если не получится?

— Тогда будем пить. В любом случае — будем пить.

Он вздыхает (что странно, потому что лёгких у него вроде бы нет) и неуверенно подходит к мешку. Тело лежит неподвижно, грудь едва поднимается. Серёга замирает над ним, потом оглядывается на меня.

— И че, просто... залезть?

— Ну да. Ложись сверху, как одеяло.

— Бля, звучит как-то по-пидорски.

— Серёга, ты уже труп. Какая разница?

Он плюётся чёрной жижей, но опускается на колени. Его руки (точнее, то, что от них осталось) дрожат.

— Ладно, хули там...

Он медленно накрывает тело, как мокрый лист бумаги.

Ничего не происходит.

Серёга лежит, я жду.

Тишина.

— Ну? — спрашиваю я.

— Ни хуя.

— Может, надо как-то по-другому?

— А как, блядь? Я ж не инструкцию читал!

Я подхожу ближе, пинаю мешок.

— Эй, тушка. Возьми его обратно.

Тело не реагирует.

Серёга поднимается, его лицо (то, что ещё держится) кривится в гримасе.

— Блядь! Даже тут я неудачник! Даже умереть нормально не могу!

Он бьёт кулаком по своему телу. Раздаётся глухой звук, как по мокрому мешку с картошкой.

Я вздыхаю, достаю из кармана последнюю банку пива (тёплую, конечно). Открываю, отпиваю.

— Ну, хоть попробовали.

Серёга смотрит на меня.

— И че теперь?

— Теперь пьём.

— У меня же нет желудка.

— Ну, нюхай, блядь.

Он берёт банку, подносит к тому месту, где когда-то был нос.

— Хуёво пахнет.

— Зато дёшево.

Мы сидим так, попеременно нюхая пиво. Собака, кстати, сбежала.

— Слушай, — вдруг говорит Серёга. — А может, это и не моё тело?

Я смотрю на него.

— Ну, пиджак тот же. Носки.

— Да хуй его знает. Может, у меня клон.

— Серёга, тебя убили из-за банки компота. Кому ты нахуй нужен, чтобы клонировать?

Он задумывается.

— Ну... может, я был тайным агентом?

— Ты был таксистом.

— Ну да...

Тишина.

Потом тело в мешке вдруг вздрагивает.

Мы оба замираем.

— Опа, — говорю я.

— Это я? — шепчет Серёга.

— Ну, либо ты, либо кто-то очень похожий.

Тело дёргается ещё раз, потом его рука медленно поднимается. Пальцы шевелятся, как пауки.

— Бля, — говорит Серёга. — Оно живое.

— Ну, мы это уже установили.

— Нет, я имею в виду... оно просыпается.

Я поднимаюсь, отхожу на шаг.

— Серёга, а если это не ты?

— А если я?

Тело открывает глаза.

Они мутные, но видящие.

И смотрят прямо на меня.

Потом губы шевелятся.

— Ты... видишь меня? — хрипит оно.

Я смотрю на Серёгу.

Серёга смотрит на тело.

— Бля, — говорит он. — Это же я.

— Нет, — хрипит тело. — Это я.

Глава 5

7 августа 2025. Мне всегда было стыдно за свои мысли. Я должен был понимать, что нужно их нужно не стыдиться, а бояться.

Мы сидим втроём вокруг мешка. Я, Серёга-призрак и Серёга-тело. Последний пока ещё не может нормально двигаться, только хрипит и моргает. В воздухе висит запах гнили, дешёвого пива и чего-то химического.

— Так, — говорю я, закуривая. — Давайте разберёмся.

— Давай, — кричит Серёга-тело.

— Ты Серёга? — киваю на призрака.

— Ну да.

— А ты? — смотрю на тело.

— Тоже Серёга.

— Блядь.

— Блядь, — соглашается призрак.

— То есть вас двое?

— Ну, — призрак чешет затылок, от которого отваливается кусок кожи. — Вроде да.

— Вроде?

— Ну, я помню, как меня убили.

— А я — нет, — хрипит тело.

— То есть ты не помнишь, как тебя убили?

— Нет.

— А что помнишь?

— Проснулся в мешке.

— Охуенно.

— Да.

Призрак-Серёга плюётся чёрной жижей.

— Это пиздец.

— Да, — соглашаюсь я. — Это пиздец.

Тишина.

— Так, — говорю я. — У нас два Серёги. Один — призрак, который помнит, как его убили. Второй — тело, которое не помнит ничего.

— Ну да.

— И у вас обоих один пиджак.

— Ну да.

— И одни носки.

— Ну да.

— И один хуй.

— Ну... да.

— Блядь.

— Блядь.

Я затягиваюсь, выпускаю дым в ночь.

— Ладно. Значит, варианта два.

— Какие?

— Либо ты клон.

— Охуеть.

— Либо ты — его душа, которая вылезла из тела, а тело осталось живое, но без памяти.

— Это ещё более охуеть.

— Да.

Серёга-тело пытается пошевелиться, но у него не очень получается.

— Меня... нашли в мешке?

— Да.

— А кто меня туда засунул?

— Х. З.

— Что?

— Хуй знает.

— О.

Тишина.

— Так че делать? — спрашивает призрак.

— Не знаю.

— Может, снова попробовать залезть в тело?

— Ну, пробуй еще раз.

Призрак-Серёга плюхается на тело. Ничего не происходит.

— Блядь.

— Не работает.

Я приглядываюсь к клейму на спине у Серёги-тела. Знак странный — что-то между переплетёнными змеями и сломанным крестом. Края обожжены, будто выжжены раскалённым железом.

— Бля, — бормочу я. — Где-то я это видел.

— Где? — хрипит тело.

— Х. З.

— Опять это «хуй знает»?

— Да.

Призрак-Серёга наклоняется, его гнилой палец тычет в клеймо.

— Это похоже на...

— На что?

— На хуйню.

— Спасибо, кэп.

Я пытаюсь помочь телу встать, но оно плюхается обратно в мешок, как мешок с картошкой.

— Бля, — стонет Серёга-тело. — Я как будто пьяный.

— Или мёртвый.

— Значит, не пьяный.

— Логично.

Я оглядываюсь вокруг, щурясь в предрассветной мгле. Лес стоит неподвижный, как вымерший. Лес вокруг нас — не то чтобы дремучий, но и не парковая зона. Сосны с облезлой корой, редкие кривые берёзы, под ногами — прошлогодняя хвоя, перемешанная с гнилыми шишками. Земля в ямах, кое-где лужи с масляной плёнкой — видимо, тут иногда ездит техника.

Слева — заросшая колея, похожая на старую лесовозную дорогу. Если пойти по ней, есть шанс выйти к трассе или брошенному складу (а может, и к жилым домам, если повезёт). Но дорога идёт в гору, и тащить по ней тело будет как-то совсем грустно. Справа — чахлый подлесок, а за ним просматривается что-то вроде поляны. Там валяется куча ржавого металлолома: трубы, листы железа, бочка без дна. Если покопаться, можно найти что-то полезное — хоть верёвку, хоть кусок тента, чтобы сделать волокушу. Но возиться там — значит терять время, а свет уже начинает меняться: скоро рассвет. Прямо перед нами — лесная тропинка, узкая, но

протопанная. Видны следы — то ли человеческие, то ли звериные. Она уходит вглубь, туда, где темнеет гуще. Если верить Серёге-призраку, где-то там должна быть хижина.

— Ну что, труп, — говорю я. — Куда будем двигать твою жопу? Собака с опаской подходит. Она смотрит в сторону тропинки и тихо рычит.

Глава 6

7 августа 2025. Когда мне было 12 лет, я мечтал остаться одному, без семьи. Я стойко помню это ощущение и как я представлял, что я принадлежу только самому себе и никто меня больше не станет бить.

Собачий рык был негромким, больше похожим на стон. Не предупреждением, а признанием собственной беспомощности. Шерсть на её загривке встала дыбом, хвост поджат так, что, кажется, вот-вот отвалится. Она пятилась, уткнувшись мордой в землю, в сторону чахлого папоротника.

— Ну чего ты, шавка? — сипит Серёга-призрак, но в его голосе тоже сквозит неуверенность. — Там крыса, что ли?

Я замираю. Лес замер. Даже ветер притих, будто затаил дыхание. Не было слышно ни птиц, ни комаров. Только тяжелое, хриплое дыхание Серёги-тела в мешке да отдаленный стук собственного сердца где-то в горле.

Из тени между соснами вышел он.

Не монстр. Не мент. Не бандит.

Старик. Лет семидесяти, не меньше. Одет в выцветшую телогрейку и рваные ватные штаны. В руках — старенькое, но смертельно серьезное двуствольное ружьё. Приклад замотан изолентой, стволы смотрят пока в землю. Лицо — как высохшая груша, морщинистое, землистого цвета. Но глаза... глаза были светлыми и безумно ясными. Как у пьяницы, который после десяти лет запоя вдруг резко протрезвел и всё понял.

Он остановился в десяти шагах, окинул нас медленным, тяжёлым взглядом. Взгляд скользнул по мне, по призраку Серёги (и, кажется, задержался на нём на секунду дольше), по мешку с копошащимся телом, по собаке, забившейся в папоротник.

— Грибники, — хрипло произнес он. Голос скрипел, как несмазанная дверь. — Грибники, блядь.

Я медленно выдохнул дым.

— Ага, — сказал я. — Белые собираем. Этот, — кивнул на мешок, — особенно удачный попался.

Старик не улыбнулся. Его пальцы зашевелились на цевье ружья.

— Это мои угодья. Всё, что тут падает — моё. Всё, что тут ползает — моё. Всё, что тут воняет — тоже моё.

— Мы не спорим, дед, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мы мимо. Собираемся уже.

— Он мой, — старик ткнул стволом в сторону мешка. — Бросьте его и валите. Пока живы.

Серёга-призрак заёрзал.

— Это я, блядь! Я не какой-то там «он»!

Старик повернул к нему голову. Его шея хрустнула.

— Ты уже ничей. Ты — брак. Тебя списали. А это... — он снова ткнул в мешок, — это сырьё. Ещё пахнет. Его можно подшить.

Термины «брак» и «подшить» повисли в воздухе, густые и нехорошие, как чад от гниющего листа.

Тишина после его слов была гуще смолы. Даже Серёга-тело в мешке затих. Я перевёл взгляд с призрака на старика, со старика на призрака. Дед не моргнул. Он не просто смотрел в

сторону Серёги-призрака, он смотрел на него. Видел. Скользил взглядом по его облезлой коже, пустым глазницам, дырявому животу.

Мой мозг, обычно затуманенный дешёвым пивом и отчаянием, на секунду прочистился до кристальной ясности.

— Ты... — я кашлянул, выдохнув дым. — Ты его видишь?

Старик медленно, с насмешливой блажью, перевёл на меня свои ясные, безумные глаза.

— А ты чего, слепой, что ли? Он тут стоит, воняет на всю поляну, какдохлая крыса в радиаторе. Конечно, вижу.

Серёга-призрак аж подпрыгнул от изумления, его челюсть отвалилась и болталась на какой-то жилке.

— Блядь! Дед! Ты меня видишь?!

— Вижу, ободранная тварь, — буркнул старик, не глядя на него. — Тебя трудно не видеть. Ты бракованный, тебя надо было утилизировать, а не по лесу шляться.

Я ощутил прилив чего-то странного, чего не чувствовал годами — дикого, неукротимого любопытства, смешанного с истерикой.

— Стой, стой, стой! — я сделал шаг вперёд, забыв про ружьё. — Какого хуя? Почему? Почему ты его видишь? Почему я их вижу? Что это за хуйня вообще? Это из-за таблеток? Это проклятие? Это я в коме? Ответь, блядь!

Я почти кричал, слюна брызгала на подол моей куртки. Годы подавленности, страха и отчаяния вырвались наружу одним истеричным потоком.

Лицо старика исказилось. Сначала в нём было лишь раздражение, но теперь к нему добавилась яростная, животная злоба. Как будто я не просто задал вопрос, а плюнул ему в душу.

— Заткнись, щенок! — прошипел он, и его голос зазвучал как скрежет металла по стеклу. — Твоё дело — не спрашивать, а бояться! И свалить отсюда к чёртовой матери, пока я из тебя фарш не сделал!

Он резко вскинул ружьё. Не в воздух. Стволы смотрели прямо на меня. Его палец легла на спусковой крючок. Безумие в его глазах было абсолютным и убедительным.

— Я сказал, вали! — заорал он так, что с сосен посыпалась хвоя.

Инстинкт самосохранения, дремавший всё это время, наконец-то дёрнулся и ударил меня под дых. Адреналин, чистый и обжигающий, хлынул в кровь.

— Блядь! — выдохнул я.

Я рванулся с места, схватив за рукав мешок с телом. Он застонал. Серёга-призрак, ошалевший, метнулся за мной.

Грохот выстрела разорвал тишину леса на клочья. Звук был оглушительным, физически ощутимым ударом по ушам. Заряд дробы прошёл в метре над нашей головой, срезав ветку с характерным сухим хрустом.

— Отпускай — завопил Серёга. — Он нас угандошит, тело слишком тяжёлое. Мешок падает на землю. Серёга-призрак издаёт стон от боли в спине.

— Бежим! — завопил я, уже не разбирая дороги, ноги отчаянно цеплялись за корни и камни от страха.

— Мою собаку оставьте, твари! — донёсся сзади истошный, полный бессильной ярости крик старика.

Я, запыхавшийся, обливаясь холодным потом, оглянулся. Пёс, тот самый, жалкий и оборванный, бежал за нами, поджав хвост, его глаза были полны такого же животного ужаса, как и наши.

— Иди нахуй, дед! — прокричал я в сторону выстрела, голос срывался на визг. — Она сама за нами побежала, свободная страна, блядь!

Мы неслись через чащу, хрустя ветками, спотыкаясь о кочки. Выстрел и крики старика ещё долго эхом преследовали нас, смешиваясь со стуком сердца в висках и воспоминанием о

тяжёлом, хриплом дыхание того, кто был когда-то Серёгой, а теперь был просто проблемой в чёрном мешке. Но проблема осталась где-то в лесу.

Глава 7

7 августа 2025. Я хотел бы быть просто облаком, а не это вот всё.

Мы бежали, пока в лёгких не осталось ничего, кроме вкуса железа и страха. Лес превратился в сплошное тёмное месиво, ветки хлестали по лицу, ноги путались в корнях. Я споткнулся о какой-то пенёк и рухнул на землю, загребая ртом влажный, пахнущий гнилью воздух. Сердце колотилось где-то в горле, готовое выпрыгнуть.

— Бля... — выдохнул я, переворачиваясь на спину. — Нахуй... этого... деда...

Потом я заметил тишину. Слишком уж тихую. Даже собака, та самая псина, сидела поодаль, тяжело дыша, но не скуля. Она просто смотрела в одну точку.

Я поднял голову.

Серёга-призрак стоял, прислонившись к сосне. Он не дышал, конечно, но обычно хоть как-то шевелился — пальцами, головой, из него что-то капало. Сейчас он замер. Абсолютно. Его поза была неестественной, выгнутой, будто его вздёрнули на невидимый крюк.

— Серёг? — хрипло позвал я. — Чё встал? Думаешь, он нас не найдёт? Он, блядь, с ружьём, а я с тобой и кучей проблем...

Он медленно повернул ко мне голову. Точнее, то, что от неё осталось. Его глазницы были пусты, но в них читалось что-то новое — не привычная тупость или растерянность, а чистый, животный ужас.

— Горит, — просипел он. Его голос звучал не как скрип старого радио, а как шипение раскалённого металла, опущенного в воду.

— Что горит? — я поднялся на локтях. — Лес? Дед поджёт? Охуенно, не хватало ещё лесного пожара.

— Я... — он посмотрел на свои руки. — Во мне... горит.

Я присмотрелся. В полумраке рассвета я сначала не разглядел, но теперь увидел. На его запястье, там, где кожа (или то, что её имитировало) была чуть светлее, появилось пятно. Маленькое, размером с монету. Оно не было чёрным или гниющим. Оно светилось. Тусклым, ядовито-зелёным светом, как гнилой фосфор на болоте. От него шёл лёгкий парок.

— Что это за хуйня? — я подполз ближе.

— Болит, — просто сказал Серёга. Его голос дрожал. — По-настоящему болит. Я же... я не должен чувствовать.

Пока я смотрел, пятно начало расползаться. Медленно, как масляное пятно на бумаге. Зелёный свет стал ярче, гуще. Из него потянулись тонкие, светящиеся трещинки — словно чьи-то пальцы прожгли его изнутри. Парок усилился, и я почувствовал запах — не трупный, не лесной. Резкий, химический, как палёная пластмасса и озон после грозы.

— Ай! — вдруг дёрнулся Серёга и схватился за бок. Под его пальцами вспыхнул ещё один очаг. Теперь уже на рёбрах. Тот же мерзкий, зелёный свет.

— Блядь! — он заёрзал на месте, словно пытаясь стряхнуть с себя невидимых муравьёв. — Блядь, блядь, блядь! Что это? Выковыривай это!

— Чем, нахуй, выковыривать? — я отполз на безопасное расстояние. — У меня есть ключ от квартиры и пустая банка из-под пива! Ты вообще из чего состоишь?

— Я не знаю! — завопил он. Его голос сорвался на визг. — Но это жжёт! Как спирт на ране! Только рана — это весь я!

Новые язвы появлялись одна за другой. На плече. На бедре. На той самой дырявой щеке. Они пылали зелёным адским светом, обрамлённые тлеющей, чернеющей плотью. Серёга начал

метаться, спотыкаясь о деревья, сдирая с себя клочья гниющей ткани одежды. Он выглядел как новогодняя ёлка, которую готовят к аду.

— Он! — вдруг выкрикнул он, остановившись. Его светящиеся глазницы уставились на меня. — Этот дед! Он что-то сделал! Он посмотрел на меня и... что-то сделал!

— Он в тебя не стрелял, кретин! — огрызнулся я, но в голосе уже не было уверенности. — Он стрелял поверх нас!

— Не пулей! — закричал Серёга. — Взглядом! Или... я не знаю! Ааааргх!

Он согнулся пополам, схватившись за живот. Из-под его пальцев пробился особенно яркий сноп зелёного света, осветив всю поляну на секунду жутковатым, неестественным сиянием. Пёс заскулил и забился под корягу.

Я сидел на холодной земле и смотрел, как мой мёртвый друг разлагается заживо. Второй раз. Только сейчас это было куда страшнее. Это было не естественное гниение, а какое-то... технологичное уничтожение. Словно его дух поместили в микроволновку.

— Помоги... — простонал он, уже не крича, а шипя, как проколота шина. — Вырежи это... ножом... чем угодно...

— А что будет, если я ткну в это светящееся говно ножом? — спросил я с искренним интересом. — Ты взорвёшься? Или мы оба взорвёмся?

Он не ответил. Он упал на колени, его тело сотрясали беззвучные судороги. Светящиеся язвы росли, сливаясь друг с другом, выжигая его изнутри. Он медленно таял, как свечка, испуская тот самый удушливый химический смрад.

И тут я понял. Этот запах. Я знал его.

— Серёга, — сказал я тихо. — Это тот же запах. От твоего тела. В мешке. И от того клейма.

Он поднял на меня взгляд. Вернее, два зелёных, пылающих пятна в чёрных провалах глазниц. В них не осталось ничего человеческого. Только боль и вопрос.

— Меня... — он с труда выговорил, — ...стирают.

Потом он закричал. Тихо, жалко, по-детски. И начал исчезать. Не растворяться в воздухе, а именно выгорать. Его контуры поплыли, стали прозрачными. Зелёный свет пожирал его, оставляя после себя лишь дымок и ужасный запах палёной плоти, которой никогда не было.

Через минуту всё было кончено.

На земле, где только что стоял и кричал Серёга-призрак, не осталось ничего. Ни пепла, ни костей. Ничего.

Только тёмное пятно на мху да три маленьких, тлеющих зелёных уголька, которые медленно угасали, оставляя в воздухе стойкое амбре озонованной смерти.

Я сидел и смотрел на это пятно. В кармане не было сигарет. Не было пива. Не было даже намёка на понимание происходящего.

Собака высунула из-под коряги морду и тихо, жалобно взвыла.

— Да, — сказал я ей. — Мне тоже.

Глава 8

7 августа 2025. Страшно, когда уходят близкие. Но не менее страшно, когда уходят и недалёкие.

Я сидел и пялился на тёмное пятно, где ещё минуту назад извивался и светился мой личный персональный призрак. В голове была идеальная, кристальная пустота. Такая, какая бывает только после пятого стакана дешёвого виски или когда понимаешь, что твоя жизнь окончательно превратилась в сюрреалистичный пиздец.

Эту благородную пустоту нарушила собака.

Она вылезла из-под коряги, вся перемазанная в грязи и собственных страхах, неуверенно подошла к тому месту, где закончил свой земной (ну, или загробный) путь Серёга. Обнюхала пятно. Взыла ещё раз, тихо и жалобно. Я уже ждал, что она ляжет рядом, положит морду на лапы и будет скорбеть, как в каком-нибудь идиотском семейном фильме.

Но эта тварь была не из таких.

Она задрала заднюю лапу.

Я заморгал. «Не может быть, — подумалось мне. — Она же сука. Суки так не делают. Это физически...»

Но она делала. Стояла на трёх лапах, четвёртая была задрана вверх с какой-то клоунской, неестественной грацией. Её жёлтый, безумный глаз упёрся в меня. Прямо в меня. В её взгляде не было ни скорби, ни страха. Было лишь ледяное, целенаправленное издевательство.

— Эй, — сипло сказал я. Голос был чужим после бегства и криков. — Эй, шавка! Ты чего, блядь, творишь?

Собака не прекращала смотреть на меня. Её взгляд был тяжёлым, наглым, почти человеческим. А потом раздался звук. Сначала тихий, прерывистый, а потом набравший силу и уверенность. Звук аккуратно льющейся на пепел струи.

— Прекрати! — закричал я, вскакивая на ноги. — Я сказал, прекрати, ебаная ты тварь! Ну, в каком-то смысле! Ты на что, блядь, смотришь? На меня смотришь, когда это делаешь?»

Она не отводила взгляд. Ни на секунду. Струя била мощно, целенаправленно, с каким-то ритуальным усердием. Она заливала последние тлеющие зелёные угольки, которые шипели и гасли с звуком, похожим на детское презрительное хихиканье.

— Да ты вообще охуела! — Я замахал руками, как будто мог отогнать её этим жестом. — Это же прямое нарушение всякого... кодекса! Собачьего приличия! Уважения к мертвым! Ты кто вообще такая? Прекрати этот пиздец, я тебя прошу!»

Собака наконец закончила. Она опустила лапу, тряхнула задницей с видом выполнившего свой долг диверсанта и всё так же смотрела на меня. На её морде читалось странное выражение: «Ну что? Я сделала это. И ты ничего не можешь с этим поделать».

Она облизнулась, громко чмокнула и медленно, не спеша, развернулась ко мне задом, демонстративно обнюхала воздух и устроилась на том же самом месте, свернувшись калачиком, будто ничего и не произошло.

Я стоял над ней, дышал тяжело, сжав кулаки. Внутри всё клокотало от бессильной ярости и абсолютного, тотального абсурда происходящего.

— Ну хорошо, — прошипел я. — Отлично. Просто заебись. Теперь ты ещё пахнешь мочой. Ладно, похуй.

Собака лишь вздохнула и прикрыла глаза.

Я плюнул на то самое место. Теперь оно было не просто тёмным и вонючим, оно было ещё и влажным от собачьей мочи.

— Ладно, Серёг, — сказал я пустому месту. — Как там у тебя? Не промок? В следующий раз, когда ко мне пристанет мёртвый хуй, я постараюсь, чтобы его кремировали до конца. Без возможности повторного мочевого осквернения.

Тишина. Лес молчал. У меня не было ни пива, ни сигарет, ни мёртвых компаньонов.

Осталась только я, вонючее пятно и собака-упырь, которая только что обоссала останки призрака, глядя мне в глаза. — Значит, так. План. Я возвращаюсь домой, потому что мне нужно обоссаться от страха, а делать это в лесу, на глазах у белок — как-то не солидно. Ты со мной?

Собака вильнула облезлым хвостом затем подошла и уперлась носом мне в ладонь. Холодным. Мёртвым. Как кусок старого мяса из холодильника.

— Какая мерзость. Как хоть тебя зовут? Да какая-то уже разница, похуй, пошли. Мы добрались до моего дома на рассвете. Город просыпался, и его обыденность казалась мне теперь чужой, бутафорской декорацией. Я впустил собаку в квартиру — куда деваться, мы теперь, блядь, напарники по несчастью.

Она прошла по комнате, обнюхала порог, подошла к холодильнику и улеглась перед ним, как страж.

Я плюхнулся на стул, потёр лицо ладонями. В голове — каша из трупов, призраков, свешившихся язв и взгляда того долбаного старика. «Ты видишь нас всех, да?» — хрипел Серёга из ванной. «Помоги».

Я поднял голову. Собака смотрела на меня. Не отрываясь. Так же, как тогда в лесу, когда справляла нужду.

— Чего? — сипло спросил я.

Она медленно поднялась, подошла к двери ванной и поскулила.

Лёд пробежал по моей спине.

— Нет, — сказал я твёрдо. — Нет, блядь. Хватит. Там никого нет.

Она поскребла дверь когтями. Тихий, настойчивый звук, сводящий с ума.

— Я сказал, нет! — я встал, голос дрожал.

Она перестала скрести. Повернула ко мне голову. И вдруг... вильнула хвостом. Один раз. Демонстративно.

Потом её взгляд скользнул с меня на ручку двери. Потом снова на меня.

И я почувствовал это. Сначала лёгкий, едва уловимый запах. Не мочи, не псины. Знакомый, сладковато-приторный запах.

Запах гниющей плоти.

Он шёл из-под двери ванной.

Собака тихо взвыла, уставившись на щель под дверью, и снова посмотрела на меня. На этот раз в её глазах читалось не издевательство, а что-то иное. Предупреждение. Или приглашение.

Холодильник позади меня вдруг оглушительно щёлкнул и замолчал. В комнате воцарилась тишина, в которой запах тления становился всё гуще и невыносимее.

Глава 9

7 августа 2025. Я всегда себя считал ссыклом, даже когда остальные были уверены в обратном.

Воздух в комнате стал густым, как холодец. Холодильник, бухтевший последние три года без перерыва, замолк, будто в страхе. Единственный звук — моё сердце, которое колотилось где-то в горле, пытаясь вырваться наружу и сбежать вместе с остатками моего здравомыслия.

А ещё был запах. Тот самый. Сладковатый, приторный, с нотками испорченного мяса и химической отдушки. Он стелился из-под двери ванной, осязаемый, как бархатная верёвка, которая медленно, но верно затягивала петлю на моей шее.

Собака сидела у двери, неподвижная, как статуя пса-терминатора. Её жёлтый глаз не мигал, упёршись в щель под дверью. Она уже не скулила. Она ждала.

— Нет, — прошептал я, отступая к входной двери. — Нет, блядь, нет, нет, нет. Это уже даже не смешно. Это клинический пиздец.

Я схватился за косяк, чтобы не рухнуть. В голове пронеслись картинки: Серёга в мешке, Серёга-призрак, горящий зелёным огнём, дед с ружьём... А теперь это. Снова.

Собака медленно повернула ко мне голову. Её взгляд был красноречивее любых слов. «Ну че, слабак? Открывай, а то я опять на что-нибудь посмотрю».

— Ладно, — выдохнул я, отпуская косяк. — Ладно, сука. Играем по твоим правилам. Но если там опять этот пидорас в носках, я тебя лично буду кормить дешёвым кормом до конца твоих дней. Если они у тебя, конечно, не бесконечные.

Я сделал шаг. Потом другой. Пол под ногами будто проваливался. Запах становился невыносимым. Я упёрся ладонью в дверь, почувствовав холод дерева.

— Серёг? — сипло позвал я. — Это опять ты, мудила? Если да, то предупреждаю — у меня нет ни пива, ни сигарет, ни ебаного терпения. У меня есть только нервный тик и стойкое желание сжечь эту квартиру дотла.

Тишина в ответ. Густая, зловонная тишина.

Я глубоко вдохнул — ошибка, горло сразу сжалось от тошноты — и резко дёрнул ручку. Дверь со скрипом отворилась.

Свет с кухни упал на кафель, на краны, на край ванны...

И на него.

Он сидел на краю ванны, спиной ко мне, свесив голову. Тот же пиджак. Те же носки в ромбик. Волосы затылке — чуть взъерошенные, будто он только что проснулся.

Я замер, не в силах пошевелиться. Собака проскользнула у меня между ног и села напротив него, уставившись своим безжалостным взглядом.

— Ну что, приветствуешь гостя? — выдавил я.

Фигура в пиджаке медленно, с хрустом позвонков, повернула голову. Лицо было бледным, но живым. Глаза — мутными, но видящими. Узнаваемыми.

Серёга. Снова. Свежий, как будто его только что вынули из холодильника и разморозили в микроволновке.

Он уставился на меня, моргнул пару раз, словно пытаясь сфокусироваться. Потом его губы дрогнули.

— ...а где это я? — его голос был хриплым, но человеческим. Совсем не тем скрипом, что был у призрака. — Это чья-то баня? И кто вы такой?

У меня в голове что-то щёлкнуло. Окончательно и бесповоротно. Психика, долгие годы державшая оборону на грани, капитулировала. Страх, паника, ужас — всё это испарилось,

оставив после себя лишь плоскую, безразличную пустоту. Я чувствовал себя зрителем в самом долбаном театре абсурда на планете.

Я шагнул в ванную, отодвинул собаку ногой и сел на корточки прямо перед ним. Нашлись глаза в глаза.

— Слушай сюда, мудила, — мои слова прозвучали удивительно спокойно, почти ласково. — Меня зовут неважно. Это моя квартира. Ты — Серёга. Тебя убили. Ты уже не первый раз тут появляешься и исчезаешь, как долбаная карточная фокусника. Ты был призраком. Ты был телом в мешке. Теперь ты опять тут. У меня от тебя болит голова, в холодильнике пусто, а от тебя воняет, как от скотобойни в августе. У меня к тебе один вопрос, и я хочу получить на него чёткий, ясный, по-человечески понятный ответ.

Я сделал паузу, давая словам просочиться в его мутное сознание. Он смотрел на меня, как баран на новые ворота.

— Какого, блядь, хуя? — спросил я с искренним, почти философским интересом.

Серёга медленно перевёл взгляд на собаку, потом на свою руку, потом снова на меня. Его лицо скривилось в гримасе крайней умственной концентрации.

— Я... я не помню, — наконец сказал он. — Последнее, что помню... я ехал на заказ. Такси. Мне позвонил диспетчер... а потом... потом я здесь. А кто вы? Вы мент?

Я закрыл лицо руками и тихо, беззвучно засмеялся. Плечи тряслись. Это был не смех радости. Это был смех полного и безоговорочного поражения.

— Нет, — прохрипел я, опуская руки. — Я не мент. Я твой личный, блядь, хранитель. А это, — я ткнул пальцем в собаку, — это наш гребаный тотем-наставник, который только что обоссал твоего двойника, сгоревшего в лесу. Всё понял? Нет? И я нет. Добро пожаловать в клуб.

Я поднялся, прошёл на кухню, сунул голову под кран и несколько секунд просто стоял так, пока холодная вода текла по шее. Потом выпрямился, отряхнулся.

Серёга вышел из ванной, неуверенно переступая порог. Он оглядел комнату — грязные стены, заваленный окурками и пустыми банками стол, курсак на мониторе — с видом человека, который впервые видит цивилизацию.

— Так... а пиво есть? — спросил он, как ни в чём не бывало.

Я посмотрел на него. Потом на собаку. Собака посмотрела на меня. В её глазах читалось что-то вроде: «Ну, я же говорила».

— Нет, — ответил я. — Пива нет. Но есть кое-что получше.

Я подошёл к шкафу, отодвинул пачку старых газет и достал оттуда почти полную бутылку дешёвого виски «Белая лошадь». Оставшуюся с тех времён, когда я ещё пытался травить тараканов.

— Садись, Серёг, — сказал я, ставя на стол два гранёных стакана. — Будем знакомиться. Точнее, перезнакомиться. Ты будешь рассказывать мне всё, что помнишь. Про такси, про диспетчера, про последний заказ. А я буду наливать. Потому что, друг мой, — я открутил пробку и с хлюпающим звуком налил золотистой жидкости в стаканы, — похоже, мы с тобой в одной лодке. И эта лодка, насколько я понимаю, — говно. А нас, блядь, по ней швыряет.

Глава 10

7 августа 2025. Серёгу даже немного жаль, что-то есть в нём родное.

Я налил виски. Жидкость была цвета то ли мёда, то ли мочи старого алкоголика. Серёга взял стакан дрожащими пальцами, принялся, сморщился.

— Это вообще пить можно?

— Можно, — сказал я. — Не нужно, но можно. Это как с тобой. Ты вообще здесь находиться можешь? Нет. Но вот же, сидишь.

— Философски, — пробормотал он и глотнул. Закашлялся. — Блядь, это же антисептик!

— Зато стерильно, — отпил я. Голова сразу отозвалась тупой волной тепла. — Так. Начнём с простого. Как тебя убили?

Серёга уставился в стакан, будто искал там ответы.

— Не помню. Серьёзно. Ехал на вызов. Адрес — какой-то заброшенный цех на окраине. Заказ был через приложение. Всё как всегда. Подъехал, жду. Выходит тип в спецовке, говорит: «Поможешь коробки загрузить? Доплачу наличкой». Я обрадовался, вышел... и всё. Тёмнота. Просыпаюсь — я в мешке. Или в ванной. Голова — полная вата.

— А до этого что? Ничего странного? Звонки подозрительные? Пассажиры с рогами и хвостом?

— Да нет же! Обычная работа! — он раздражённо провёл рукой по лицу. — Хотя... один клиент странный был. За пару дней до этого.

Я наклонился вперёд. Собака под столом тяжело вздохнула.

— Какой?

— Мужик. Сидит на заднем сиденье, молчит. Едем. Вдруг говорит: «Вы знаете, что ваша аура треснула?». Я, естественно, туплю. А он продолжает: «Межмировые швы расходятся. Кто-то ставит заплатки. Плохие заплатки». Я думал — городской сумасшедший, послал его мысленно нахуй. Он вылез, расплатился наличными. И оставил на сиденье... монетку. Не нашу.

Лёд пробежал по моему позвоночнику. Я налил ещё.

— И что? Сдал в ломбард?

— Выбросил за окно. Примета же плохая.

Я закурил, выпустил дым в потолок, покрытый паутиной и копотью.

— Так. Значит, есть организация. Или культ. Или цех по ремонту аур и пошиву свежих трупов. Они тебя отметили. Клеймо — это, получается, не штамп брака. Это... ярлык. Для сортировки.

— Для чего? — Серёга выглядел искренне потерянным.

— Хуй его знает. Может, для перезагрузки. Ты же не помнишь, как тебя убили. А твой призрак — помнил. Получается, они не просто убивают. Они... стирают память. А душу вышибают наружу. Получается брак — призрак, который сбежал. А тело, свежее, но пустое — идёт в дело. Его можно «подшить» — значит, засунуть туда что-то другое.

Тишина повисла густая, как холодец. Собака почесала за ухом задней лапой с таким звуком, будто скребёт по картону.

— Постой, — Серёга поднял палец. — Если моё тело пустое... то кто я сейчас?

— А хуй знает, — честно сказал я. — Может, ты временная прошивка. Может, тебя из резервной копии восстановили. А может, ты просто галлюцинация, и я уже сижу в жёлтом доме, а всё это мне снится.

— Ну, спасибо, — он снова выпил, на этот раз не морщась. — Утешил.

В этот момент в окно что-то стукнуло. Не громко. Как будто бросили камешек.

Мы замерли. Собака издала низкий, едва слышный рык.

— Это ветка, — неуверенно сказал Серёга.

— У меня под окном не растут деревья. Только ржавые качели и сломанная песочница.

— Значит, дети.

— В пять утра? Очень жизнеутверждающие дети.

Раздался второй стук. Чётче. Затем третий.

Я подошёл к окну, раздвинул грязную штору. На подоконнике снаружи лежали три камешка. Ровные, гладкие, как отшлифованные. И они были выложены в форме стрелы. Указывающей на дверь подъезда.

— Охренеть, — прошептал я. — Нам пишут мелом на асфальте, но у них кончился мел. Примитивно.

Серёга встал рядом.

— Это они?

— Кто ещё? Дед с ружьём вряд ли будет в камушки играть. У него, я смотрю, методы грубее.

Тут раздался стук в дверь. Негромкий, но настойчивый. Тук-тук-пауза. Тук-тук-тук. Собака встала, шерсть дыбом.

— Не открывай, — шипло сказал Серёга.

— А я и не собирался. У меня планов на сегодня — ноль. Я хотел просто напиться и посмотреть, как ты снова разложишься.

Стук повторился. Потом голос. Женский. Низкий, спокойный, без интонаций.

— Откройте. Мы пришли поговорить о качестве сырья.

Серёга и я переглянулись.

— Иди нахуй! — крикнул я в дверь. — У меня тут ГОСТовское тело, самосборное! Жаловаться не будем!

— Мы не из Роспотребнадзора, — послышалось за дверью. — Мы из отдела контроля брака. У нас к вам претензия по поводу несанкционированного оживления единицы хранения.

Я взглянул на Серёгу.

— Единица хранения. Тебе льстит?

— Не особо.

Женский голос продолжал:

— Мы знаем, что вы его видите. И что вы видели призрачный экземпляр. Это нарушает протокол. Откройте. Мы предложим вам сделку.

— Какую ещё сделку? — спросил я, привалившись лбом к косяку.

— Вы становитесь аномалией. Неучтённым элементом. Это либо ликвидируют, либо... трудоустраивают. Откройте, и мы обсудим ваши перспективы. У нас есть печенье.

Тут я не выдержал. Злость прорвалась наружу.

— Какое, блядь, печенье? Овсяное? Имбирное? С изюмом, который, как известно, это просто сморщенные трупы винограда? Вы сначала скажите, что за печенье, а потом уже предлагайте продать душу в рабство за кондитерские изделия!

За дверью наступила пауза. Потом голос, с едва уловимой нотой раздражения:

— Шоколадное. С кусочками шоколада.

— Целые кусочки или крошка?

— ...целые кусочки.

— А молоко или горький?

— Молоко. Содержание какао — тридцать процентов.

— Слабовато, — сказал я. — Но ладно. А кофе будет? Или вы думаете, можно вести переговоры о моём будущем как некро-менеджера без кофеина?

Серёга смотрел на меня, открыв рот. Собака села и зевнула.

— Кофе будет, — ответил голос. — Американо. Или капучино. На ваш выбор.

— С корицей можно?

— ...можно.

— И сиропом? Хотя нет, сироп — это уже пошлость. Ладно. Вы кто вообще? Как называетесь? Чтобы я знал, с кем имеет дело.

Ещё одна пауза. Более долгая.

— Мы — «Швейная Фабрика». Мы латаем разрывы. Подшиваем расплывающиеся края реальности. И мы делаем это аккуратно. Ваш случай — это неряшливость. Брак. Мы хотим его исправить.

— Исправить — это как? Стереть ластиком? Или распотрошить как ту рыбу, которую я забыл в холодильнике в прошлом году?

— Это означает завершить процесс. Либо интегрировать единицу хранения обратно в систему, либо... утилизировать оба экземпляра. Включая вас, как нестабильный наблюдатель.

Я посмотрел на Серёгу. Он был бледен.

— Слышишь? Тебя называют «единицей хранения». Как банку с огурцами.

— Я не хочу, чтобы меня закатывали под крышку, — простонал он.

Я повернулся к двери.

— Ладно! Слушайте сюда! Ваше предложение — говно. Ваше печенье — подозрительное. А кофе, скорее всего, будет из автомата, который чистили в прошлом веке. Но я открываю не потому, что верю вам. А потому, что у меня кончился виски, а с этим призраком-таксистом разговаривать уже не о чем. И если вы попытаете «утилизировать» кого-то — я вас предупреждаю, у меня есть собака. И она уже один раз сегодня обоссала привидение. Представляю, что она сделает с живыми.

Я щёлкнул замком и дёрнул дверь.

На площадке стояли двое. Мужчина и женщина. Оба в идеально отутюженных серых костюмах. У неё — кожаный портфель. У него — небольшой кейс из матового металла. Они выглядели как налоговые инспекторы из кошмара среднего предпринимателя.

Женщина, та самая с голосом, улыбнулась. Улыбка была ровной, как линейка.

— Печенье, — сказала она и протянула жестяную коробку.

Я взял коробку, открыл. Там действительно лежали ровные шоколадные печенье с белыми вкраплениями.

— А где кофе? — спросил я.

Глава 11

8 августа 2025. Да пошли бы Вы нахуй со своим печеньем.

Я взял коробку с печеньем, не отводя глаз от пары в серых костюмах. Они стояли на моём пороге как гости из параллельной реальности, где все ходят в идеально отутюженном и не задают лишних вопросов.

— Кофе, — напомнил я.

Мужчина молча протянул термокружку. Я взял, открутил крышку — пар потянулся ароматной струйкой. Пахло действительно хорошо. Не автоматным пойлом.

— Заходите, — буркнул я, отступая вглубь прихожей. — Только ботинки не пачкайте. Пол и так в говне.

Они переглянулись, но сняли обувь. Аккуратно, поставили у порога. Вошли. Женщина окинула взглядом комнату — грязные стены, завалы хлама, собаку, которая сидела посреди кухни и уставилась на неё с немым обвинением.

— Уютно, — сказала она без тени иронии.

— Да, я старался, — ответил я, отхлебнув кофе. Вкус оказался на удивление приличным. — Садитесь, если найдёте, куда.

Мужчина придвинул табурет, стряхнул с него крошки, сел. Женщина предпочла стоять.

— Мы представились: «Швейная Фабрика», — начала она. — Вы — наблюдатель седьмого уровня. Неучтённый. Редкий случай.

— Подождите, — перебил Серёга, который до сих пор сидел за столом, прижав к груди стакан с виски. — Седьмой уровень? Как в игре?

Женщина повернула к нему голову. Её взгляд был холодным, оценивающим.

— Вы — единица хранения номер 457-бис, — сказала она. — Транспортировочный контейнер со сбоем в системе стирания. Вас должны были обнулить, упаковать и отправить на перепрошивку. Но произошёл сбой. Ваш эфирный дубликат — то, что похоже на призрак — отсоединился преждевременно и приобрёл автономию. А физический носитель остался частично активным. Это брак.

— Брак, — повторил Серёга тупо. — Я — брак.

— Да. И его, — она кивнула в мою сторону, — вмешательство усугубило ситуацию. Наблюдатель не должен взаимодействовать с браком. Особенно с таким... говорящим.

Мужчина, с ухмылкой протянул мне пачку честерфилда синего.

Я закурил, выпустил дым в сторону открытого окна.

— Давайте по порядку. Вы — фабрика. Вы что, реально шьёте? Или это метафора какая-то?

— Мы латаем разрывы, — сказал мужчина. Его голос оказался глуховатым, монотонным. — Реальность — не монолит. Она ветхая ткань. В местах напряжения образуются дыры. Сквозь них просачивается... иное. Наша задача — находить дыры и ставить заплатки.

— Заплатки из людей? — уточнил я.

— Из подходящего материала, — поправила женщина. — Сознание, душа, память — это нити. Когда человек умирает насильственно, в состоянии крайнего стресса, нити рвутся неравномерно. Образуются хвосты, ключья. Мы собираем эти остатки, упорядочиваем и... утилизируем. Либо используем для починки других разрывов.

Серёга медленно поднялся.

— То есть... меня убили специально? Чтобы сделать заплаткой?

— Нет, — мужчина покачал головой. — Вас убили случайно. Вероятно, криминальные элементы. Но момент смерти был зафиксирован нашими датчиками. Вы оказались подходя-

щим сырьём. Ваш паттерн распада показал хороший потенциал адгезии. Вас должны были собрать, стереть остаточную память и имплантировать в разрыв на окраине города, где участились случаи спонтанной телепортации бездомных в муниципальные бассейны.

Я закашлялся от дыма.

— Вы слышите, как это звучит? «Спонтанная телепортация бездомных в муниципальные бассейны». Это ещё что за неприличная ёбань?

— Реальность не обязана быть приличной, — заметила женщина. — Она просто есть. И мы её обслуживаем.

— А старик в лесу? С ружьём?

— Бывший агент, — сказал мужчина. — Он бывший инспектор по контролю качества. Он мог обезвредить эфирный дубликат. Но вмешался наблюдатель.

— Зелёное пламя — это очистка. Но вы помешали процессу, вывезли физический носитель, а затем и дубликат самоуничтожился из-за контакта с незапечатанным аномальным животным, — её взгляд упал на собаку.

Та лишь лениво облизнулась.

— Животное тоже брак? — спросил я.

— Животное — побочный продукт неудачной попытки залатать разрыв в приюте для бездомных. Оно видит швы. И иногда... метит их.

— Обоссывает, — уточнил я. — Она не метит, она именно что обоссывает. Со злобой и смотря в глаза.

— Это её способ взаимодействия с миром, — без тени юмора ответила женщина.

Серёга опустил голову на руки.

— Я не понимаю. Я таксист. У меня кредит за машину. Я вёл простую жизнь. А теперь я — бракованная заплатка для дыры в реальности? Это как вообще?

— Неприятие — естественная стадия, — сказал мужчина. — Пройдёт.

Я допил кофе, поставил кружку на стол.

— Так. Предположим, я всё это переварил. Вы — фабрика. Он — брак. Что дальше? Вы предлагаете сделку. Какую?

Женщина открыла портфель, достала папку, положила на стол.

— Вариант первый: мы стираем вашу память об этих событиях, возвращаем единицу хранения 457-бис на переработку, а вас отпускаем. Вы продолжаете жить, не помня ничего. Но остаётесь наблюдателем. Шанс повторного вовлечения — 67%.

— Не нравится. Вариант два?

— Вариант два: мы предлагаем вам контракт. Вы становитесь полевым агентом. Ваша задача — находить нестабильных наблюдателей, незарегистрированные аномалии и прочие артефакты несоответствия. Вам платят. Дают страховку. И возможность... видеть за кулисы на законных основаниях.

— А он? — кивнул я на Серёгу.

— Единица хранения подлежит утилизации. Её паттерн уже загрязнён. Для заплаток она не годится.

Серёга вздрогнул.

— То есть меня стирают?

— Либо стирают, либо разбирают на нити для мелкого ремонта, — уточнил мужчина. — Второе менее болезненно.

— А если я откажусь? — спросил я.

— Тогда мы применим протокол принудительного изъятия. Стирание памяти у вас, принудительная утилизация единицы хранения и аномального животного. Это стандартная процедура.

Тишина повисла в комнате. Даже собака не шуршала.

Я посмотрел на Серёгу. На его лицо — обычное, человеческое, испуганное лицо парня, который просто вёл такси и попал под раздачу. Посмотрел на собаку — тупую, вонючую, но в чём-то честную тварь. Посмотрел на пустую бутылку виски на столе. На курсак на мониторе, который я никогда не сдам.

Потом взглянул на пару в серых костюмах. На их бесстрастные, выверенные лица.

— Есть вариант три? — спросил я.

— Нет, — ответила женщина.

— Неправда, — сказал я. — Всегда есть вариант три. Вариант три — это когда я говорю вам «пошли нахуй», беру этого бракованного таксиста, эту обоссывающую всё подряд псину, и ухожу в закат. А вы пытаетесь нас остановить. И получаете по морде.

Мужчина в костюме слегка улыбнулся. Впервые.

— Вы уверены, что справитесь? У нас есть ресурсы.

— А у меня, — сказал я, затушив сигарету об жестяную коробку с печеньем, — есть одно преимущество. Мне уже давно похуй. А когда человеку похуй, он становится непредсказуемым. А непредсказуемость — это именно та дыра в вашей идеальной ткани, которую вы не можете просто так залатать.

Женщина вздохнула. Закрывает папку.

— Дмитрий, Вы выбираете конфронтацию, стоит успокоиться.

— Нет, — поправил я. — Вариант три должен быть. И знаете что?

Я встал, посмотрел им в глаза.

— Печенье действительно неплохое. Но кофе мог бы быть и покрепче.

Глава 12

8 августа 2025. В детстве меня учили, что драться — нехорошо. Видимо, моё детство просто не учитывало вероятность визита налоговых инспекторов из ада.

Я стоял, сжимая в руке пустую термокружку, и смотрел на эту парочку. Серёга за моей спиной шумно дышал, собака издала низкий горловой звук — то ли рычала, то ли собиралась снова что-то обоссать.

— Дмитрий, — голос женщины был ровным, как столешница в морге. — Мы понимаем ваше состояние. Адреналин. Когнитивный диссонанс. Желание послать всё. Но давайте мыслить рационально.

— Рационально? — я рассмеялся. — Вы врываетесь ко мне в пять утра, приносите печенье, дерьмовый кофе и говорите, что реальность — это ветхая тряпка, которую вы штопаете трупами, и хотите рациональности? Да вы, блядь, сами-то себя слышите?

Мужчина в костюме поправил галстук. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Мы слышим себя прекрасно. У нас корпоративная культура, соцпакет и гибкий график. А у вас — долги за коммуналку, просроченный курсак и труп в ванной на регулярной основе. Кто из нас звучит нерационально?

Серёга высунулся из-за моего плеча.

— Эй! Я не труп! Я — единица хранения с... с самосознанием!

— Бракованная единица, — поправила женщина, даже не взглянув на него. — С истёкшим сроком годности и нарушенной целостностью упаковки.

— Упаковки?! — Серёга аж подпрыгнул. — Это я — упаковка? Да я, может, в школе по литературе четвёрки получал! Я стихи писал! В девятом классе!

— И куда они делись? — скептически спросил мужчина.

— Ну... потерялись...

— Вот именно. Потому что ты — тара для хранения биоматериала, а не творец. Смирись. Я загородил Серёгу собой. Вернее, попытался — он был выше, но хотя бы худее.

— Слышь, галстучный черт. Ты с ним так не разговаривай. Он, может, бракованный, но он мой бракованный. Я его в своей ванной нашёл, я за него и отвечаю.

Женщина подняла бровь.

— Интересная позиция. Вы присваиваете себе найденный биоматериал? Это нарушение протокола утилизации.

— А я не подписывал ваш протокол! — рявкнул я. — Я вообще ничего не подписывал, кроме долговой расписки в ломбарде! И то под дулом пистолета!

Мужчина вздохнул, посмотрел на часы.

— Мария, у нас через два часа ещё три объекта. Давай закругляться.

— Согласна, — кивнула женщина. — Дмитрий, последний раз предлагаю спокойно: вы подписываете контракт, мы забираем брак, вы живёте дальше с чистой памятью и небольшим бонусом на счёт. Либо...

— Либо что?

— Либо мы применяем силу.

Собака зарычала громче. Серёга вцепился мне в плечо — пальцы у него были холодные, как из холодильника, но цепкие.

— Не отдавай меня, — прошептал он. — Я не хочу на нитки.

— Да не ссы, — ответил я шёпотом.

— Что ты придумашь? Ты даже курсак дописать не можешь!

— Это другое! Там научный руководитель — мудака, а тут — просто два придурка в костюмах!

Я сделал шаг вперёд, ткнул пальцем в грудь мужчины. Точнее, попытался ткнуть — палец упёрся в ткань пиджака, которая на ощупь оказалась странной, как будто не ткань вовсе, а что-то гладкое, скользкое, чуть тёплое.

— Слушай сюда, хрен с галстуком. Вы пришли в мой дом. В мою халупу, которая и так уже превратилась в филиал морга. Вы жрёте моё печенье, пьёте мой кофе. Ну, технически конечно ваш, но уже мой, потому что я его выпил. И пытаетесь забрать моего, блядь, таксиста. Я, может, в этой жизни ничего не добился, кроме хронического недосыпа и умения отличать дешёвый виски от очень дешёмого, но одно я знаю точно: хуй вам, а не Серёга!

Мужчина посмотрел на мою руку, потом мне в глаза.

— Вы закончили?

— Нет! — я размахнулся и врезал ему кулаком прямо в челюсть.

Удар вышел сочный, с подседом, с переносом веса. Я даже мысленно похвалил себя — в последний раз я дрался в девятом классе, и то проиграл.

Кулак встретил челюсть.

И ничего не произошло.

Вообще.

Мужчина даже не пошатнулся. Моя рука просто остановилась в сантиметре от его лица, будто наткнулась на невидимую стену. Или будто время замерло. Я дёрнулся, пытаюсь дожать удар, но кулак не двигался. Он висел в воздухе, как экспонат в музее восковых фигур.

— Охренеть, — выдохнул Серёга.

Мужчина медленно, с лёгким любопытством, посмотрел на мой кулак, потом на меня.

— Интересно, — сказал он. — Сила удара — примерно сорок пять джоулей. Для неподготовленного человека неплохо. Но вы забываете: мы не совсем люди.

— А кто вы? — просипел я, пытаюсь отдёргнуть руку. Она не слушалась.

— Мы — обслуживающий персонал. И у нас есть защита от дураков.

Он щёлкнул пальцами.

Моя рука освободилась, но тут же ноги подкосились. Не от удара — просто воздух вокруг стал плотным, вязким, как кисель. Я попытался сделать шаг назад и рухнул на колени.

— Димо-он! — Серёга бросился ко мне, но женщина выставила ладонь, и он замер на месте, как вкопанный. Собака попыталась прыгнуть на неё, но тоже остановилась в воздухе, застыв в прыжке с оскаленной пастью.

— Агрессия — бесполезна, — сказала женщина. — Мы не причиняем вреда, если нас не вынуждают. Но вынуждение мы пресекаем.

Я попытался встать. Ноги были ватными, руки дрожали. Перед глазами всё плыло.

— Вы... вы что со мной сделали?

— Легкий парализующий импульс, — ответил мужчина, поправляя галстук, который даже не сбился после моего «удара». — Минут через пятнадцать отпустит. Но нам хватит и двух.

Он подошёл к Серёге, который стоял столбом, только глаза бегали.

— Единица хранения 457-бис. Подлежит немедленной утилизации в связи с критическими нарушениями структуры.

— Не надо! — попытался крикнуть я, но из горла вырвался только хрип.

Мужчина положил руку Серёге на плечо. Серёга дёрнулся, но не мог пошевелиться.

— Прощай, бракованный таксист. Жаль, что из тебя не вышло хорошей заплатки. Мог бы залатать дыру в детском саду номер семь — там уже третью неделю дети видят то, чего быть не должно.

Серёга открыл рот, чтобы что-то сказать, но вместо слов из него вырвался только тихий, жалобный звук. Его тело начало светиться — тем же зелёным, болотным светом, что и призрак в лесу.

— Нет! — заорал я, собрав последние силы, и попытался двинуться вперёд.

Женщина вздохнула и щёлкнула пальцами у моего виска.

Мир моргнул. Потом ещё раз. Потом стал распадаться на куски — зелёные, серые, чёрные. Я увидел, как Серёга светится всё ярче, как собака беззвучно лает в воздухе, как мужчина и женщина смотрят на меня с одинаковым, скучающим выражением.

— Спать, — сказал голос откуда-то издалека.

И я провалился.

Последнее, что я услышал перед тем, как тьма сомкнулась — голос мужчины, обращённый к женщине:

— Кофе он допил, зараза. А я его тоже хотел, зачем ты ему его предложила?

А потом — ничего.

Глава 13

8 августа 2025. Иногда мне кажется, что моя жизнь — это чёрная комедия, где я единственный зритель, который не понимает шуток. А иногда мне кажется, что я сам в этой комедии — клоун.

Сознание возвращалось порциями, как дешёвый интернет — с перебоями и постоянными обрывами.

Сначала была боль. Не просто головная боль, а такое ощущение, будто внутри черепа поселился маленький, но очень злобный гном с отбойным молотком, и этот гном явно получил премию за лучшую производительность труда. Он долбил прямо по мозжечку, выбивая извилины одну за другой, и, судя по звуку, работал на совесть.

Потом добавилась тошнота. Та самая, когда кажется, что желудок решил устроить забастовку и требует немедленного увольнения всех внутренних органов с выплатой выходного пособия в виде вчерашнего ужина. Желудок явно написал заявление по собственному желанию и собирался выйти на пикет прямо в пищевод.

И только потом — осознание: я жив. Почему — хер знает, но жив. Врачи бы сказали «чудо», но врачи ко мне давно не заходят — боятся, что я их заражу своим образом жизни.

Я открыл глаза.

Потолок был на месте. Трещина, на которую я уже два года собираюсь пожаловаться в ЖЭК, всё так же извивалась змейкой от люстры к углу. Я даже дал ей имя — Зоя. Зоя Ивановна Трещина. Мы с ней давно дружим. Она расширяется, я деградирую — движемся параллельными курсами.

Обои пузырились в том же месте. Там, под обоями, живёт целая экосистема. Я подозреваю, что там уже сформировалось своё правительство и армия. Иногда по ночам я слышу, как они проводят военные советы.

За окном — серое небо, которое обещало либо дождь, либо полное разочарование в жизни. Обычно небо выполняет оба обещания сразу.

— Блядь, — сказал я вслух. Голос прозвучал как скрип несмазанной телеги, которую зачем-то потащили через гравийное поле.

Я попытался приподняться. Тело слушалось с таким трудом, будто я не спал, а разгружал вагоны с цементом, потом эти вагоны толкал обратно, потом снова разгружал, и всё это без обеда и под концерт тяжёлого металла. Руки дрожали. Во рту было такое ощущение, будто там переночевала кошачья стая, и не просто переночевала, а устроила вечеринку с шампанским и оставила после себя полный бардак.

Я свесил ноги с кровати. Пол встретил меня привычной прохладой и лёгким слоем пыли. Я не убирался уже... ну, давно. Пыль — это тоже форма жизни, имеет право.

Перед глазами всё плыло. Я тупо уставился на свои ступни. Пальцы вроде на месте. Ногти есть. Кровь не течёт. Между пальцами не завелась плесень. Уже плюс.

Попытался вспомнить вчерашний день.

Пустота.

Как будто кто-то взял жёсткий диск моей памяти и форматнул его нахуй. Быстрое форматирование, без возможности восстановления. Впрочем, ничего нового. Последние года два такие провалы случались регулярно. Ранний алкоголизм — хуёвая штука, но к нему привыкаешь. Как ко всему дерьмовому в этой жизни. Сначала ты пьёшь, чтобы забыть, потом ты забываешь, потому что пьёшь. Замкнутый круг, но с бесплатным приложением в виде цирроза.

— Напился, — сделал я логичный вывод. — Знатно напился. И, судя по всему, один. Потому что если б с кем-то, то либо кто-то бы остался, либо я бы что-то помнил. Или не помнил

бы, но тогда бы наутро были следы присутствия второго человека. Например, второй человек. Или его вещи. Или хотя бы ощущение, что я кому-то должен денег.

Прислушался к себе. Вроде не болело ничего, кроме головы. Живот не крутило. Печень не вываливалась. Значит,пил что-то качественное. Или наоборот — настолько дешёвое, что организм даже не понял, что его травят, и пропустил сигнал тревоги.

Я встал. Комната качнулась, но устояла. Я тоже устоял, чему был несказанно удивлён. Сделал шаг к двери, держась за стену. Ещё шаг. Дополз до кухни, вцепился в косяк.

Квартира выглядела обычно. Даже слишком обычно. На столе — пустая бутылка из-под виски. Одна. Стаканы — два. Но это ни о чём не говорит. Мог налить себе два раза. Мог налить воображаемому другу. В моём состоянии воображаемые друзья — это не симптом шизофрении, а просто компания.

Я обвёл взглядом комнату. Курсач на мониторе — на месте. Монитор пыльный, но работает. Курсач недописанный, но открыт. Окурки в пепельнице — гора. Я даже прикинул, сколько пачек ушло — примерно полторы. Нормально для вечера пятницы, если пятница, конечно, была.

Запах — обычный, застоявшийся, мой. Коктейль из табака, старой еды, невымытых вещей и экзистенциальной тоски. Парфюм «Бомж де Шанель».

Я открыл холодильник. Там, как и вчера (или позавчера — хер его знает), стояли две банки пива и лежал заплесневелый сыр. Плесень на сыре уже обзавелась собственной экосистемой. Кажется, я видел, как там промелькнула маленькая зелёная змейка. Или мне показалось.

Я открыл дверцу в ванную. Зачем — сам не знаю. Просто рефлекс.

Пусто.

Всё как всегда.

— Ну и славно, — пробормотал я. — Значит, просто бухал. Без эксцессов. Без криминала. Без последствий.

Я закрыл дверь ванной. Подумал и открыл снова. Вдруг труп за это время материализовался? Нет, не материализовался.

— Отлично. Просто отлично.

Я сел на табуретку, схватился за голову. В висках стучало так, что казалось — сейчас глаза вылетят и покатаются по полу, как шарики для пинг-понга. Я поймаю их, вставлю обратно, и буду жить дальше. Но лучше бы они не вылетали — девать их всё равно некуда.

Надо было чем-то заняться. Если я сейчас лягу обратно, то проваляюсь до вечера, а там — новый день, и курсач так и останется недописанным. А дедлайн, судя по календарю на стене, уже послезавтра. На календаре была картинка с котятами. Котята смотрели на меня с укором. Им, видите ли, не нравится, что я прокрастинирую. А мне не нравится, что они существуют, но мы как-то живём.

— Значит, так, — сказал я вслух, чтобы хоть как-то структурировать мысли. — Сначала — кофе. Потом — попытаться вспомнить, что я там вчера накалякал в курсаче. Потом... потом разберёмся. Может, даже умоюсь. Но это не точно.

Я пошарил на полке над плитой. Там обычно хранились запасы стратегического значения: гречка, макароны, соль и кофе. Гречка была, макароны были, соль была. Кофе не было. Вообще. Ни растворимого, ни зернового, ни даже ячменного суррогата, который я покупаю, когда совсем прижимает и который на вкус напоминает пережжённые опилки.

— Отлично. Просто заебись. — Я посмотрел на пустую банку из-под кофе. Внутри неё жила только память о лучших временах и несколько муравьёв, которые, видимо, забрели по ошибке и теперь не знали, как выбраться. — Мужики, я вас понимаю. Сам тут застрял.

Придётся идти в магазин. А для этого надо одеться. А для этого надо найти силы. А силы кончились ещё вчера, судя по всему, и сегодня даже не планировали возвращаться.

Я натянул первое, что попало под руку — старые джинсы, которые помнили ещё те времена, когда у меня был смысл жизни, и растянутую футболку с надписью «I ♥ NY». Надпись давно выцвела, облезла и теперь читалась просто как «I NY». Что можно было трактовать по-разному. «Я — Нью-Йорк»? Или «Ай, Нью-Йорк, ну его нахуй»? Я склонялся ко второму варианту.

Выйти на лестничную клетку — это всегда квест. Потому что никогда не знаешь, кто там тебя ждёт. Соседка-алкашка из 43-й, которая вечно кланчит деньги «на хлебушек»? Сосед-шизофреник или просто компания гопников, которые решили, что подъезд — идеальное место для распития портвейна?

Сегодня повезло. Никого. Только привычный запах: кошки, дешёвые сигареты, капуста из семнадцатой квартиры (они там варят борщ каждый день, уже лет десять, наверное, у них там бесконечный борщ) и лёгкий привкус безнадёги, который витал в воздухе, как невидимый смог.

Я спустился, вышел во двор.

Двор выглядел обычно. То есть пиздецово. Ржавые качели, на которых уже лет пять никто не качается, потому что они, скорее всего, развалятся при первом же контакте. Сломанная песочница, в которой теперь живут бездомные коты и собираются тайные собрания местных алкоголиков. Три бабки на лавочке, которые проводили меня взглядами, полными осуждения. Я даже не удивился — они всех осуждают. Даже голубей. Особенно голубей. Голуби для них — это птицы-шпионы, которые специально гадят на их машины.

Мусорка традиционно переполнена. Ветер гоняет по асфальту пустые пачки из-под сигарет, фантики и чей-то потерянный носок. Одинокий носок. Интересно, где его пара? Тоже где-то валяется, тоскует. Или этот носок был холостяком, принципиально не искал пару, наслаждался свободой, а теперь вот валяется в луже.

— Жизнь прекрасна, — пробормотал я и поплёлся в сторону магазина.

Мне, почему-то, всё казалось странным в этот день.

Сначала я просто не обратил внимания. На углу, у светофора, стояла машина. Старая, потрёпанная «Лада» с шашечками такси на боку. Обычное дело. Таких машин в городе тысячи. Но когда я проходил мимо, водитель высунулся в окно и крикнул кому-то:

— Серёга, давай быстрее, я не нанимался весь день тебя ждать!

Я дёрнулся. Сам не понял почему. Просто внутри что-то кольнуло. Остро, неприятно, как будто маленькой иголкой ткнули прямо в мозг. Какое-то смутное, липкое ощущение, будто это имя что-то значит. Что-то важное. Что-то, что я должен помнить, но не помню.

Я обернулся — мужик в такси разговаривал по телефону, никакого Серёги рядом не было. Он просто кому-то звонил. Обычное дело.

— Привидится же, — буркнул я и пошёл дальше.

До магазина оставалось метров сто. Я уже почти дошёл, когда заметил старушку. Обычная бабка с авоськой, таких тут тысячи. Сгорбленная, в платочке, шаркающая ногами. Но на ней были носки. Не простые, а в ромбик. Яркие такие, синие с белыми ромбами, как на картинке из журнала мод пятидесятилетней давности.

И эти носки почему-то бросились мне в глаза так, будто я их уже где-то видел. И видел не просто так, а в какой-то очень странной, очень неправильной ситуации. В голове мелькнул образ: ванна, кафель, и чьи-то ноги в таких же носках. Ноги не двигаются. Совсем.

Я пересёк дорогу, зашёл в магазин.

Магазин назывался «Продукты 24 часа», хотя работал он почему-то с 8 до 23, и надпись висела, наверное, ещё с девяностых, когда кто-то верил в круглосуточное счастье. Внутри пахло хлебом, дешёвой колбасой и средствами от тараканов, которые стояли на отдельной полке и, судя по всему, не помогали.

Кассирша, тётка лет пятидесяти с усами пожирнее моих, глянула на меня с привычным презрением. Её звали, кажется, Зина. Или Нина. Или просто «Женщина-беда». Мы с ней были старые знакомые. Я у неё покупал сигареты и пиво уже года два, и за это время она ни разу не улыбнулась. Ни разу. Я подозревал, что у неё просто нет мышц, отвечающих за улыбку. Атрофировались за ненужностью.

— Тебе чего? — спросила она тоном, каким обычно спрашивают «Ты опять?».

— Кофе. Самый дешёвый. И сигареты.

— Винстон?

— Ага. Две пачки.

Она пробила, я расплатился. Уже собрался уходить, как вдруг увидел за её спиной, на прилавке с разной мелочью, коробку. Обычная жестяная коробка из-под печенья. Круглая, красивая, с рисунком — какие-то крендельки и надпись золотыми буквами. Я даже разглядеть не успел, что за надпись, но в голове щёлкнуло: «Печенье. Шоколадное. С кусочками шоколада».

Откуда это взялось? Я же не видел надписи. Но в голове уже крутилось: «Молоко. Тридцать процентов какао. С кусочками».

— Ты чего застыл? — буркнула кассирша. — Проходи, не задерживай. Люди ждут.

Я оглянулся — за мной никого не было. Она просто хотела, чтобы я ушёл.

— Да нет, ничего, — я мотнул головой и вышел.

— Ты бы хоть расчесался, — услышал я в догонку

— А смысл? — пролетело в моей грязной голове.

На улице стало свежее. Дождь почти перестал, только мелкая морось висела в воздухе, как будто кто-то распылял воду из пульверизатора, чтобы освежить овощи в супермаркете. Я закурил прямо на ходу, глубоко затягиваясь. Никотин слегка притупил головную боль, но странное ощущение не проходило.

Я пошёл обратно той же дорогой.

И тут я её увидел.

Собака.

Она сидела прямо на тротуаре, посередине, как будто ждала именно меня. Облезлая, грязная, с жёлтыми глазами, шерсть клочьями, рёбра торчат. Обычная дворняга, каких тысячи по всему городу. Но она смотрела на меня. Не просто смотрела — сверлила взглядом, не моргая. И в этом взгляде было что-то такое... знакомое. Будто я её уже видел. И не просто видел, а... общался? Бежал от кого-то вместе с ней?

— Тьфу ты, — я отвёл глаза и ускорил шаг.

Проходя мимо, я краем глаза заметил, как собака встала и пошла за мной. Я оглянулся — она сидела на том же месте, даже не пошевелилась. Показалось. Опять показалось. Пора бросать пить. Или продолжать — тогда показательства станут только интереснее.

Дальше — больше.

Возле моего дома стояла «Газель» с надписью на борту. Обычный грузовичок, развозят что-то. Таких по городу сотни. Но надпись гласила: «Кондитерская фабрика „Игла“». Свежая выпечка, печенье, вафли». Игла. Игла. Почему это слово отозвалось в голове тупой, ноющей болью? Какая ещё игла? Я не швея, я студент, который даже пуговицу пришить не может.

— Игла, — повторил я вслух. — Бред какой-то.

Почему бред — я и сам не знал. Просто слово показалось неправильным. Оно должно было быть другим. Каким? Я понятия не имел.

Я зашёл в подъезд.

Там было темно, как всегда. Лампочку на первом этаже разбили ещё месяц назад, и никто не собирался её менять. Жильцы надеялись, что её починит кто-то другой. Коммунальщики надеялись, что жильцы сами купят лампочку. В итоге лампочка не горела, и все были довольны — появился общий враг и общая тема для разговоров.

Я нащупал перила, начал подниматься. На втором этаже кто-то выставил на лестницу старую обувь. Три пары. Они стояли рядком, как солдаты на параде. Я каждый раз проходил мимо и думал: чья это обувь? Почему она тут? Кто-то умер? Кто-то уехал? Или просто решили, что воняет, и выставили проветриться? Обувь стояла уже месяца два. Видимо, проветривание затянулось.

Третий этаж. Четвёртый. Мой — пятый.

Я достал ключи, отпер дверь. Вошёл в прихожую. Свет не включал — и так знал, где что лежит. Скинул кеды, бросил пакет с кофе и сигаретами на тумбочку. Прошёл в комнату.

И тут я понял, что я не один.

Сначала просто почувствовал. Какое-то шестое чувство, обострившееся за годы жизни в опасном районе, где могут ограбить даже среди бела дня, а уж вечером — тем более. Воздух был другим. Кто-то дышал. Тихо, почти беззвучно, но дышал.

Я замер в дверях комнаты. Сердце заколотилось где-то в горле. В темноте ничего не было видно — окна выходили во двор, свет от уличных фонарей почти не проникал.

— Эй, — крикнул я в темноту. Голос прозвучал хрипло и неуверенно, как у подростка, который первый раз вызывается отвечать у доски. — Тут нехуй воровать, ебанаты!

Тишина.

Я сделал шаг в комнату. Протянул руку к выключателю на стене.

И в этот момент что-то обрушилось мне на затылок.

Удар был сильным, но не смертельным. Так, профессионально рассчитанным, чтобы вырубить, но не убить. Я даже не успел сгруппироваться — просто ноги подкосились, и я начал валиться вперёд, в темноту, в пол, в небытие.

Сознание уходило медленно, как вода из старой ванны, когда засор забит наполовину. Я слышал, как моё тело глухо стукнулось о пол. Видел перед глазами какие-то цветные пятна — красные, жёлтые, зелёные. И слышал голоса.

Два голоса. Мужские. Один низкий, второй повыше, почти писклявый. Они о чём-то спорили. Очень громко спорили. Как будто стояли прямо надо мной.

— Блядь, ты чего так сильно? — спросил высокий. — Я же сказал — аккуратно!

— А чего он полез? Надо было тихо, а он сразу орёт на всю квартиру, — ответил низкий. Голос у него был такой, будто он курит с пяти лет и забивает на голосовые связки.

— Я тебе сейчас покажу «чего полез»! Он домой зашёл, в свою квартиру! Куда ему, блядь, ещё лезть? В окно сигать?

— Мог бы и не орать. Чего орать-то?

— Он понял, что кто-то тут есть! Это нормальная реакция!

— Ну я не знал.

— А ты должен был знать! Ты вообще должен был всё продумать! Это твоя работа — продумывать!

— Моя работа — бить, а не продумывать. Продумывать — это твоя.

— С чего это моя?

— А с того, что ты старший.

— Я не старший.

— А кто старший?

— Никто не старший. Мы напарники. Равные.

— Равные не бывают. Кто-то всегда старший.

— Философ, блядь. Ты бы лучше следил за силой удара.

— А что не так с силой удара? Нормальная сила.

— Нормальная? Он уже минуту не шевелится, смотри как его скукурузило!

— Минуту? Да две секунды прошло.

— Минута.

- Две секунды.
- Я засекал.
- Чем ты засекал? У тебя часов нет.
- У меня телефон есть.
- Так достань и посмотри.
- Не могу, я в перчатках.
- А я при чём?
- При том, что ты должен был взять перчатки без сенсорного экрана!
- А я откуда знал, что ты будешь время засекать?
- Это профессиональная необходимость!
- Какая, нахуй, необходимость? Мы здесь не время засекать, мы здесь работать пришли!
- Я хотел открыть глаза, но веки были свинцовыми. Хотел пошевелиться — тело не слушалось. Я просто лежал на холодном полу, в собственной квартире, в луче из прихожей, и слушал, как два дебила спорят о том, кто из них старший и правильно ли был нанесён удар.
- Ладно, — сказал низкий. — Хватит спорить. Надо работать.
- Работать надо было тихо, а не вырубать хозяина, — проворчал высокий.
- Не ной. Полежит и встанет.
- А если не встанет? Если мы его перестарали?
- Не перестарали. Я знаю, сколько бить.
- Откуда ты знаешь? Ты вообще кто по образованию?
- Повар.
- Чего?
- Повар. Училище закончил.
- И как твоё поварское образование помогает тебе рассчитывать силу удара по голове?
- Ну... там котлеты надо было отбивать. Я знаю, с какой силой бить, чтобы мясо не развалилось.
- Господи, — простонал высокий. — Котлеты. Он сравнивает голову человека с котлетой.
- А чем не сравнение? Ткань же. Мясо. Кость.
- Ты дебил.
- Сам дебил.
- Его нужно связать, бери за ноги..
- Я окончательно провалился в сон, больше я ничего не слышал.

Глава 14

8 августа 2025 (наверное). Хуже, чем проснуться в гараже со связанными руками, может быть только одно — проснуться в гараже со связанными руками и понять, что ты реально не знаешь, за что тебя сюда притащили.

Сознание возвращалось медленно, как похмелье после самого дешёвого вина — сначала просто гадливо, потом тоскливо, а под конец с мыслью «какого хуя я опять в это ввязался».

Голова гудела. Руки затекли. Во рту было такое ощущение, будто там переночевала бригада штукатуров и забыла убрать за собой инструменты.

Я открыл глаза.

Картинка была так себе. Бетонные стены, тусклая лампочка под потолком, запах масла и ржавчины. Я сидел на венском стуле, который явно помнил ещё те времена, когда венские стулья были в моде, и руки у меня были связаны за спиной. Проволокой. Не верёвкой — именно проволокой. Тонкой, но суровой, как моя жизнь последние пару дней.

Гараж. Я был в гараже. Чужом. Страшном.

— Очухался? — спросил голос.

Я поднял голову и увидел его.

Огромные ладони. Не просто большие — огромные. Как две лопаты, которые в детстве не знали, что такое детский крем и мягкие игрушки. Ладони были покрыты сбитыми костяшками, шрамами и, кажется, вьёвшейся навсегда грязью. Человек, которому они принадлежали, стоял передо мной, сложив руки на груди, и смотрел на меня с лёгким, почти философским интересом.

Лицо кавказское, но не агрессивное. Скорее уставшее. Лет сорок, глубокие морщины, тяжелые веки, щетина, которая росла не равномерно, а как трава на газоне, за которым никто не ухаживает. Лысый, но не бритый наголо, а просто с естественной проплешиной, которая постепенно завоевывала территорию головы. — Ну, здравствуй, — сказал он.

Голос звучал чисто. Никакого акцента. Ни «дарагой», ни «слушай сюда». Чистая русская речь, может, даже с лёгким интеллигентным оттенком, что в сочетании с огромными кулаками и гаражом звучало ещё более устрашающе.

— Я — Лом-Эли, — сказал он.

Я уставился на него с тупым лицом.

— Лом-Эли? — переспросил я. — Прозвище?

Он не ответил. Просто смотрел. Даже крысы перестали шуршать.

— Ладно, — сказал я. — А где я? И главное — зачем?

— А ты как думаешь? — спросил он.

— В гараже, судя по запаху. Но где именно — понятия не имею.

Лом-Эли вздохнул. Тяжело, как паровоз на подъёме.

— Что ты помнишь?

Вопрос был правильный. Я задумался. Перебрал в голове последние события.

— Ну... — начал я. — Я проснулся сегодня. Голова болела. Пошёл в магазин. Купил кофе. Сигареты. Вернулся домой. А дальше... дальше темнота.

— Выспался?

— Что? Громила молча смотрел мне прямо в глаза.

— Ну в целом да.

— А ночью?

— А что ночью?

Лом-Эли наклонил голову, как пёс, который услышал странный звук.

— Я тебя спрашиваю.

— А я тебя спрашиваю, — огрызнулся я. — Ты меня сюда притащил, ты и рассказывай, что я должен помнить. Я просто напился вчера и отрубился. У меня это бывает. Алкоголизм — он такой, знаешь, провалы в памяти.

— Ты думаешь, что напился?

— Ну а что ещё? — я попытался пожать плечами, но руки были связаны, и получилось дёрганое движение, похожее на эпилептический припадок. — Варианты: либо напился, либо меня чем-то накачали. Учитывая, что я сейчас здесь, второй вариант, кажется, ближе к истине.

Лом-Эли прошёлся по гаражу. Его ботинки хрустели по гравию, как шаги судьбы в дешёвом триллере. Он остановился у стеллажа, взял какую-то железяку, повертел в руках и бросил обратно. Грохот разнёсся по помещению, как выстрел.

— Значит, ты не помнишь, что делал прошлой ночью? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ну... — я задумался. И тут в голову пришла мысль. Нехорошая такая мысль, липкая. — Слушай, а это важно? Потому что если я кого-то там... ну, ты понимаешь... переспал с чьей-то женой, то я готов извиниться. Деньгами, правда, не могу — у меня их нет. Но морально, чисто по-человечески — я готов признать свою вину.

Лом-Эли медленно повернулся. Его лицо ничего не выражало.

— Ты про что?

— Ну, мало ли, — продолжил я, чувствуя, что абсурдность ситуации — моё единственное оружие. — Может, я вчера перебрал и полез к кому-то. У меня такое бывает. Не часто, но бывает. Особенно если коньяк. А вчера я, кажется, пил виски. Виски хуже. От виски я становлюсь навязчивым. Могу приставать к женщинам.

Лом-Эли моргнул. Один раз.

— Ты сейчас серьёзно?

— А ты серьёзно меня связал и притащил в гараж? — парировал я. — Давай уже, колись. Кто она? Жена? Дочь? Сестра? Мать? Если мать — то это вообще криминал, я на пожилых не западаю. У меня принципы.

Лом-Эли подошёл ближе. Наклонился, упёршись руками в мои колени. Его лицо оказалось в сантиметрах от моего. Пахло от него табаком, кофе и чем-то металлическим, как от старого автомата Калашникова.

— Слушай меня, — сказал он тихо. — Мне плевать, с кем ты там спал. Мне нужно знать, что произошло прошлой ночью. В твоей квартире. Кто к тебе приходил.

Я уставился на него. В голове — полный ноль. Как будто кто-то взял жёсткий диск и форматнул его нахуй. Быстрое форматирование, без возможности восстановления.

— Ко мне приходили? — переспросил я.

— Да.

— И кто?

— А я откуда знаю? — вдруг рявкнул Лом-Эли. — Я тебя спрашиваю!

— Так ты не знаешь, кто приходил? — я реально офигел. — Ты меня похитил, привязал к стулу, а сам не знаешь, зачем?

— Я знаю, зачем! — он выпрямился, провёл рукой по лысеющей голове. — Мне нужно знать, что тебе сказали.

— Кто?

— Люди, которые приходили!

— А кто они?

— Я не знаю! — он раздражался. — Поэтому и спрашиваю!

— Так, — сказал я медленно. — Давай по порядку. Ты не знаешь, кто ко мне приходил. Ты не знаешь, что они мне говорили. Но ты хочешь, чтобы я тебе рассказал то, чего я сам не знаю, потому что я ничего не помню. Я правильно понимаю ситуацию?

Лом-Эли замолчал. Его челюсть двигалась, как будто он пережёвывал мои слова и пытался найти в них хоть какой-то смысл.

— Правильно, — выдавил он наконец.

— Охуенно, — сказал я. — Просто охуенно. Мы два человека, которые ничего не знают, пытаются выяснить друг у друга то, чего не знают ни тот, ни другой. Это не допрос, это философский диспут какой-то.

— Заткнись, — устало сказал Лом-Эли.

— Нет, серьёзно, — я вошёл в раж. — Может, нам проще сходить вместе в церковь и помолиться? Или вызвать экстрасенса? Я слышал, есть бабки, которые по фотографиям определяют, кто к тебе приходил.

— Я сказал, заткнись.

— Или, может, это были свидетели Иеговы? — не унимался я. — Они часто ходят по квартирам, предлагают литературу. Я бы с ними не пошёл, я человек нерелигиозный. Хотя если бы они предложили пиво... Слушай, а может, это были просто распространители пива? Типа дегустация?

Лом-Эли закрыл глаза. Он стоял, покачиваясь, и, кажется, считал про себя до десяти. Или до ста.

— Ты вообще понимаешь, что ты в дерьме? — спросил он, не открывая глаз.

— Всегда, — честно ответил я. — это одно большое дерьмо. Так что твой гараж — это просто новый слой. Как пирожное «Наполеон», только из говна.

Лом-Эли открыл глаза. В них было что-то странное. Не злость, не ненависть. Усталость и, кажется, лёгкое уважение.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— Болтливый.

— Только когда страшно, — признался я. — Когда мне реально пиздец, я начинаю нести хуйню. Это защитный механизм. Организм думает, что если я рассмешу врага, меня не убьют.

— Я не смеюсь.

— А зря. Я сейчас про свидетелей Иеговы очень смешно пошутил.

Лом-Эли потёр лицо ладонями. Его огромные ладони закрыли почти всё лицо.

— Ты хоть что-нибудь помнишь? — спросил он глухо. — Хоть мелочь какую-то?

Я напрягся. Покопался в памяти. Пустота.

— Нет, — честно сказал я. — Ничего. Вообще. Последнее, что помню — я зашёл в квартиру. Купил кофе, сигареты. Поставил пакет на тумбочку. И всё.

— А до этого?

— До этого — магазин. Кассирша с усами. Спросила, зачем я такой лохматый.

— А ещё раньше?

— Проснулся. Голова болела.

— А ночью?

— А ночью я спал! — я начал раздражаться. — Я, блядь, спал! Потому что набухался! А теперь оказывается, что, может, и не набухался! И ты хочешь, чтобы я тебе рассказал про этих людей, но я их не помню, а ты их не знаешь! Мы в замкнутом круге, Лом-Эли! Это пиздец!

Он молчал. Просто стоял и смотрел на меня.

— Слушай, — сказал я уже спокойнее. — А может, у тебя есть хоть какая-то зацепка? Ну, типа, кто они могли быть? Враги? Друзья? Коллекторы?

Лом-Эли покачал головой.

— Нет.

— А почему ты вообще решил, что ко мне кто-то приходил?

— Знаю, — сказал он. — Поэтому привезли тебя сюда, были следы.

— Какие следы?

— Не твоего ума дело.

— Ах, не моего ума? — я усмехнулся. — Лом-Эли, дорогой, я сижу привязанный к стулу в твоём гараже. Мои дела — это теперь всё, что связано с моей задницей. Может, решишь, что это я виноват в чем-то? И тогда моя задница станет ещё более проблемной.

Он задумался над моими словами. Потом медленно кивнул.

— Логично, — сказал он.

— Спасибо. Я вообще иногда умные вещи говорю. Редко, но бывает.

В этот момент в глубине гаража скрипнула дверь.

Скрип был старым, проржавевшим, как будто дверь не открывали лет сто. Шаги — тяжёлые, уверенные. Не такие, как у Лом-Эли. Другие.

Лом-Эли выпрямился мгновенно. Вся его поза изменилась. Он стал похож на солдата, к которому зашёл генерал. Напрягся, подобрался, даже дышать стал тише.

Из темноты вышел человек.

Я не видел его лица — свет падал сзади, оставляя фигуру в тени. Но я видел силуэт: высокий, худощавый, в длинном пальто. Дорогом пальто. Такие пальто носят люди, которые никогда не спрашивают цену.

Он шёл медленно, не спеша, и каждый его шаг отдавался эхом, как удар метронома.

Лом-Эли шагнул к нему, перегородив мне обзор, но я слышал их разговор.

— Ну? — спросил человек из тени. Голос спокойный, ровный, без интонаций. Таким голосом обычно говорят дикторы на похоронах.

— Ничего, — сказал Лом-Эли. В его голосе появились нотки оправдания. — Он ничего не помнит. Совсем.

— Ты уверен?

— Проверил. Он несёт хуйню про свидетелей Иеговы и спрашивает, не переспал ли он с чьей-то матерью. Если он и знает что-то, то хорошо притворяется. Не хочется его пиздить.

Человек в пальто помолчал. Потом шагнул вперёд, и свет упал на его лицо.

Я вгляделся. Обычное лицо. Лет тридцать пять, усталое, небритое. Но глаза... глаза были странные. Слишком спокойные. Как у человека, который видел всё и которого уже ничем не удивить.

Он посмотрел на меня. Просто посмотрел. Без злобы, без интереса. Как смотрят на пустое место.

— Память стёрли, — сказал он. Не спросил, а констатировал.

— Откуда знаешь? — спросил Лом-Эли.

— Знаю, — человек перевёл взгляд на него. — Это их почерк. Чисто. Никаких следов. Только пустота.

— И что делать?

— Отпусти.

Лом-Эли улыбнулся.

— Хорошо что не отпиздил.

— Да, но плохо что он ничего не помнит. Сейчас он бесполезен. Он ничего не помнит. А если вспомнит — то не скоро. И вряд ли поймёт, что вспомнил.

Я сидел, слушал этот диалог и чувствовал, как внутри меня что-то переворачивается. Они говорили так, будто меня тут нет. Будто я — пустое место. Мебель.

Лом-Эли медленно подошёл ко мне, достал откуда-то кусачки и перерезал проволоку. Руки упали, и я едва не взвыл от боли — кровь хлынула в затёкшие пальцы, и каждая клетка заколола тысячей иголок.

— Вставай, — сказал Лом-Эли.

Я встал. Ноги дрожали, но держали.

— Иди, — сказал человек в пальто.

— Куда? — спросил я.

— Домой.

— А где дом?

— Там же, где и был. Тебе еще курсач дописывать.

Я моргнул. Откуда он знает про курсач? Но понял, что он намекнул, что знает про меня уже многое. От этого намека у меня сжало желудок.

— А если я не пойду?

— Останешься, — равнодушно сказал он. — Но тогда придётся тебя закопать. Чтобы не болтался под ногами.

— Я лучше пойду, — быстро сказал я.

— Умный мальчик.

Я сделал шаг к двери. Потом остановился. Обернулся.

— А можно вопрос?

— Валяй.

— Кто вы такие?

Человек в пальто посмотрел на Лом-Эли. Лом-Эли посмотрел на него. Они обменялись взглядами, которые я не понял.

— А тебя это ебать не должно, — сказал человек и самодовольно улыбнулся. — Люди.

Я пошёл к двери. Каждый шаг отдавался в голове болью. Руки висели плетью, пальцы не слушались. Я дошёл до двери, толкнул её.

Снаружи было утро. Солнце, которое я уже не надеялся увидеть, било в глаза. Я зажмурился, сделал шаг на улицу.

Гараж стоял в какой-то промзоне. Ржавые заборы, кучи мусора, вдалеке дымит труба. Слева, метров в трехста, я видел как горит огонь в железной бочке и вокруг были люди. Перед гаражом стояла машина с двумя типами. Они о чем-то спорили. Их голоса мне были знакомы. Я обернулся.

Дверь гаража была открыта. Внутри горел тусклый свет. Я видел тени. Лом-Эли и человек в пальто стояли и смотрели на меня.

Я ждал, что сейчас раздастся выстрел. Или меня окликнут. Или что-то случится.

Ничего не случилось.

Они просто стояли и смотрели.

Я повернулся и пошёл. Просто пошёл вперёд, туда, где виднелась дорога. Ноги несли меня сами, мозг отключился. Я шёл и думал только об одном: «Кофе. Мне нужен кофе. Самый дешёвый. И сигареты. А потом... а потом разберёмся».

За спиной скрипнула дверь гаража. Я замер.

Шаги.

Я обернулся.

Лом-Эли стоял на пороге. В руках у него была моя пачка сигарет, которую я купил в магазине. Та самая, «Винстон». Он подошёл, сунул её мне в карман куртки.

— Забудь, — сказал он тихо. — Забудь, что здесь было. И не суйся больше в это дерьмо. Оно тебя сожрёт.

Он развернулся и ушёл обратно в гараж. Дверь закрылась с лязгом, отрезав меня от всего, что там происходило.

Я стоял посреди пустыря, сжимая в кармане мятую пачку сигарет, и смотрел на закрытую дверь.

— Мать, — сказал я вслух. — Я спросил про мать, а он даже не улыбнулся. Может у него матери нет.

Я пошёл искать дорогу домой.

В голове было пусто. Но где-то глубоко, на самом дне этой пустоты, шевелилось смутное, липкое ощущение, что я только что разминулсЯ с чем-то очень важным. Или очень страшным. Или с тем и другим сразу.

Я закурил.

Глава 15

9 августа 2025. Иногда мне кажется, что моя жизнь — это анекдот, который никто не рассказывает, потому что он несмешной и слишком длинный.

Я шёл через промзону и чувствовал себя последним долбоёбом.

Нет, серьёзно. Из всех вариантов развития событий — остаться, поговорить, выяснить, послать всех нахуй, в конце концов — я выбрал самый позорный. Я просто свалил. Как последняя крыса с тонущего корабля, который даже не тонул, а просто стоял в доке и ждал, когда его починят.

— Молодец, Димас, — бормотал я себе под нос, перешагивая через лужу с маслянистыми разводами. — Просто красавчик. Тебя похитили, привязали к стулу, а потом отпустили, потому что ты такой жалкий, что тебя даже убивать не захотели. Это надо уметь.

Солнце уже поднялось и теперь жарило немилосердно, хотя было всего утро. Асфальт плавился, воздух дрожал, и вся промзона выглядела как декорация к фильму про конец света, где бюджет кончился на середине съёмок.

Я закурил очередную сигарету. Лом-Эли сунул мне пачку, и теперь я курил, как паровоз, пытаюсь никотином заглушить стыд.

Ну почему я не остался?

Серьёзно. Человек в пальто знает что-то важное. Он мог бы объяснить. Мог бы рассказать. А я просто развернулся и ушёл, как нашкодивший школьник, которому повезло, что вызвали не к доске.

— Потому что страшно, — ответил я сам себе. — Потому что, блядь, страшно. Потому что когда люди в пальто говорят таким спокойным голосом про то, что тебя могли бы закопать, это не шутки. Это серьёзные ребята.

Я сплюнул на асфальт. Плевков был жидким и жалким, как и мои оправдания.

Но с другой стороны — а что я должен был сделать? Броситься на Лом-Эли с голыми руками? У меня руки были связаны, я еле стоял на ногах. Какие варианты? «А давайте поговорим по душам, я вам душу изолью, а вы мне тайны мироздания откроете»?

— Не, ну а хули, — продолжал я спор с самим собой. — Может, они бы и рассказали. Выглядели они не как отморозки. Лом-Эли вообще интеллигентный какой-то, несмотря на лапищи. Сказал же: «Забудь и не суйся». По-человечески сказал. Почти по-дружески.

— Вот именно, — ответил я себе. — По-дружески. А когда с тобой по-дружески разговаривают люди, которые только что держали тебя в гараже, это значит, что ты им зачем-то нужен. Живой. Или не нужен, но тогда зачем отпустили?

Голова шла кругом. Я остановился, прислонился к столбу. Столб был тёплый, железный, с наклейками, которые клеили десять лет назад и которые никто не сдирал. Реклама каких-то концертов, которые уже никто не помнит. «Гражданская оборона», «Ласковый май», ещё какая-то херня. Я смотрел на эти наклейки и думал о вечности.

— Ладно, — сказал я вслух. — Допустим, я молодец, что ушёл. Допустим, я всё сделал правильно. Что дальше?

Дальше — идти домой. Пить кофе. Пытаться вспомнить, что случилось ночью. Пытаться понять, кто эти люди и что им от меня надо.

— А если они вернутся?

— Значит, вернутся. Тогда и будем решать.

— А если они убьют?

— Значит, убьют. Зато не на работе. Тоже плюс.

Я хмыкнул. Юмор висельника — последнее, что остаётся, когда всё остальное кончилось.

Я отлепился от столба и пошёл дальше. Промзона кончилась, начались жилые кварталы. Панельные девятиэтажки, облезлые, как моя жизнь. Детские площадки с ржавыми качелями. Бабки на лавочках. Всё как обычно.

У одной из лавочек стоял мужик в трениках и майке-алкоголичке. Он пил пиво из горла и смотрел в небо. Взгляд у него был философский, как у человека, который уже всё понял и теперь просто ждёт, когда вселенная подтвердит его правоту.

— Здарова, — сказал он мне, когда я проходил мимо.

— Здарова, — ответил я.

— Пивка не хочешь?

— Рано.

— Может, главное, чтобы не поздно, — философски заметил он и отхлебнул.

Я пошёл дальше. Мужик был прав. Для меня сейчас любое время — или слишком рано, или слишком поздно. Золотая середина где-то потерялась. Наверное, там же, где моя память о прошлой ночи.

Я зашёл в свой двор.

Всё те же качели, всё та же песочница, всё те же бабки. Бабки проводили меня взглядами, полными осуждения. Одна даже перекрестилась. Наверное, я выглядел как ходячий труп. Что, в общем-то, было недалеко от истины.

Подъезд встретил меня привычной темнотой и запахом кошачьей мочи. Лампочка всё так же не горела. Обувь на втором этаже всё так же стояла рядком. Я поднялся на свой этаж, достал ключи, отпер дверь.

И замер на пороге.

В квартире кто-то был.

Я не видел, не слышал, но чувствовал. То самое шестое чувство, которое вырабатывается у людей, живущих в опасных районах. Воздух был другим. Чужим. Напряжённым.

Я сделал шаг внутрь. Сердце колотилось где-то в горле. В голове пронеслась мысль: может, вызвать ментов? А что я скажу? «Здравствуйте, я думаю, что у меня в квартире кто-то есть, потому что мне так кажется»? Менты приедут, посмотрят на меня, на пустую бутылку на столе, на два стакана и решат, что у меня белочка. И будут правы.

— Эй! — крикнул я в темноту прихожей. — Тут нехуй воровать, понял?

Тишина.

Я сделал ещё шаг. Протянул руку к выключателю в комнате.

И в этот момент мир взорвался болью.

Удар пришёлся точно в затылок. То же место, что и в прошлый раз. Профессионально. Чётко. Я даже не успел сгруппироваться — просто рухнул вперёд, в темноту, в пол, в никуда.

Сознание уходило медленно, как интернет в деревне — с перебоями и постоянными обрывами. Я слышал обрывки разговора. Голоса были. Два. Мужские. Но теперь — никаких споров о том, кто старший и кто как бьёт. Теперь говорили по делу.

— Объект на месте, — сказал один. Голос низкий, уверенный, без эмоций.

— Вижу, — ответил второй. Тоже спокойно. — Контрольный?

— Не надо. Он и так вырубился. Слабый.

— Наблюдатель седьмого уровня? Слабый?

— Обычный алкаш.

— Зачем тогда он нам?

— Сказали забрать — забираем. Наше дело маленькое.

— Куда везём?

— На базу. Тринадцатый бокс.

Я почувствовал, как меня хватают под мышки. Грубые руки, сильные. Тащат. Потом — свежий воздух. Потом — темнота. На этот раз окончательная.

Сознание возвращалось кусками, как пазл, который собирает слепой кот.

Сначала — цвет. Темно-зелёный. Такой бывает в старых больницах или в кабинетах начальников, которые думают, что зелёный цвет успокаивает. Не успокаивает. Бесит.

Потом — свет. Тусклый, но противный. Бьёт прямо в глаза, даже сквозь веки.

Потом — запах. Кофе.

Я открыл глаза.

Помещение было небольшим, квадратным, без окон. Стены выкрашены в тот самый тошнотворный зелёный. Под потолком — лампа дневного света, которая жужжит, как комар над ухом. Мебель — стол, два стула. На столе — кофейник, две чашки и открытая коробка с печеньем.

Я сидел на стуле. Руки были свободны. Ноги тоже. Даже не связали. То ли доверяли, то ли знали, что бежать некуда.

Напротив меня, за столом, сидели двое людей в костюмах. Мужчина и женщина

Женщина улыбнулась. Улыбка была ровной, как линейка.

— Печенье, — сказала она и протянула жестяную коробку. — И кофе.

Я посмотрел на печенье. Шоколадные, с кусочками шоколада. Жестяная коробка, красивая, с золотыми буквами.

— Дмитрий, к сожалению, нам с Вами необходимо ещё раз поговорить, — даже не дожидаясь моего ответа, начала она.

Глава 16

9 августа 2025. Добро пожаловать в штат Фабрики. Здесь вам и печенье, и кофе, и полный пиздец в нагрузку.

— Где я? — спросил я. Голос прозвучал хрипло, как у старого динамика, который последний раз включали при Брежневе.

— В безопасности, — ответила женщина. — Меня зовут Мария. А это мой коллега, Виктор.

Я перевёл взгляд на мужчину. Он сидел за столом, пил кофе и смотрел в стену. Лицо у него было тупое.

— Очень приятно, — автоматически сказал я. — А где я? И почему у меня такое ощущение, что мою голову использовали как футбольный мяч?

— Вы на базе «Швейной Фабрики», — сказал Виктор, не отрывая взгляда от стены. — Вас доставили сюда час назад.

— Швейной? — переспросил я. — Зачем?

Мария и Виктор переглянулись.

— Дмитрий, — сказала Мария медленно, как будто разговаривала с ребёнком или с очень пьяным человеком. — Это наш второй разговор. Вы нас не помните, и это нормально.

— Второй раз? — я попытался сесть. Получилось не сразу — тело слушалось плохо, как будто его собирали из запчастей разных марок. — Я вас в первый раз вижу. И вообще, последнее, что я помню — это как я шёл домой. Из промзоны. После того, как меня... — я замолчал, потому что в голове что-то щёлкнуло. — Меня похитили.

Мария нахмурилась.

— Похитили?

— Да. Какие-то люди. Допрашивали. А потом отпустили. — я потрогал затылок. — И, кажется, ударили. Два раза. Один раз дома, второй раз... не помню где.

Мария и Виктор снова переглянулись. На этот раз их взгляды были другими. Тревожными.

— Дмитрий, — сказала Мария, — вы уверены? Вас похитили?

— Абсолютно. Мужик огромный, руки как лопаты, лысеющий. Зовут Лом-Эли. И второй — в пальто, высокий, худой, глаза как у рыбы. Они меня пытали, ну, не пытали, но спрашивали. А потом, когда поняли, что я ничего не знаю, отпустили, наверное ошиблись.

Виктор медленно поставил чашку на стол. Звук получился слишком громким для такой маленькой комнаты.

— Лом-Эли, — повторил он. — Это кликуха такая?

— Понятия не имею. Но он представился именно так. Я думал, шутит. Но он не шутил. У него руки реально как лопаты.

Мария встала, подошла к стене и уставилась на неё, будто там было написано расписание электричек.

— Дмитрий, — сказала она, не оборачиваясь. — Вы ничего не путаете? Это было сегодня?

— Приснилось? Если бы. — я даже обиделся. — У меня голова болит так, будто по ней танцевали чечётку. Это не сон. Это реальность. Самая пиздецовая реальность, в которой я только был.

Мария обернулась. Посмотрела на меня долгим взглядом. Потом вздохнула.

— Ладно. Давайте по порядку. Для начала: вы знаете, кто мы такие?

— Нет.

— А знаете, почему вы здесь?

— Нет.

— А знаете, что вы видели призраков?

Я замер.

— Чего?

— Призраков. Мёртвых людей. Они приходили к вам, а вы думали, что это галлюцинации. Старуха в автобусе. Безголовый мужик в подъезде. Девочка на площадке, у которой зубы выпадали.

У меня челюсть отвисла. Буквально. Я поймал себя на том, что сижу с открытым ртом, и закрыл его.

— Откуда вы...

— Потому что мы наблюдаем за такими, как вы, — сказал Виктор. — Вы — наблюдатель. Седьмого уровня. Редкий дар. Вы видите мёртвых, а они видят вас.

— Подождите, — я поднял руку. — Подождите-подождите-подождите. Вы хотите сказать, что я не сходил с ума? Что старуха в автобусе, которая шептала даты смерти, была реальной?

— Была, — кивнула Мария.

— А безголовый мужик?

— Тоже.

— А девочка с выпадающими зубами?

— Она самая.

Я закрыл лицо руками. Посидел так несколько секунд. Потом убрал руки.

— А почему у неё зубы выпадали?

— Потому что она умерла от кариеса, — буднично сказал Виктор. — Запустила зубы, боялась стоматологов, в итоге заражение крови. Теперь ходит и пугает детей. Символично.

— Символично, — повторил я. — Ага. Очень символично. Просто жёсть как символично.

Я встал. Ноги держали, но с трудом. Подошёл к столу, налил себе кофе из кофейника. Кофе был горячий. Настоящий. Не суррогат.

— А печенье можно? — спросил я, указывая на жестяную коробку.

— Можно, — кивнула Мария.

Я взял печенье. Откусил. Шоколадное, с кусочками. Вкусное.

— Неплохо, — сказал я с набитым ртом. — Для организации, которая ловит призраков, вы хорошо кормите.

— Мы не ловим, — поправил Виктор. — Мы латаем. «Швейная Фабрика». Мы зашиваем разрывы в реальности.

— В реальности? — я чуть не поперхнулся. — В реальности есть дыры?

— Есть. И их становится всё больше. Особенно там, где мёртвые не могут уйти, а живые не могут их забыть.

Я дожевывал печенье. Запил кофе. Посмотрел на них.

— И при чём тут я?

— Вы — наблюдатель, — повторила Мария. — Вы видите мёртвых. Это редкость. Таких, как вы, мало. И вы нужны нам.

— Для чего?

— Чтобы находить разрывы. Чтобы общаться с теми, кто застрял. Чтобы помогать им уйти. И чтобы не дать другим использовать их во вред.

— Другим? — я насторожился. — Каким другим?

Мария села напротив. Сложила руки на столе.

— Есть организация, Дмитрий. Называют себя «Ловцы». Они охотятся за призраками. Не чтобы помочь, а чтобы использовать. Призраки могут проходить сквозь стены, помните? Сквозь сейфы. Сквозь охрану. Их можно заставить шпионить, воровать, убивать.

— Убивать? — я поперхнулся снова. — Призраки могут убивать?

— Могут. Если их разозлить. А «Ловцы» умеют злить.

Я посмотрел на печенье. Печенье вдруг перестало казаться таким вкусным.

— И что, они уже... ну, используют?

— Используют. И чем дальше, тем больше. Мы пытаемся им мешать, но они хорошо законспирированы. А теперь, — Мария сделала паузу, — они узнали про вас.

— Про меня?

— В ту ночь, которую вы не помните, они пришли к вам домой. Хотели похитить. Но мы успели раньше. Перехватили их, обезвредили. Но вы уже успели с ними столкнуться. Видели их лица. Знали, кто они.

— И поэтому я ничего не помню?

— Поэтому, — кивнул Виктор. — Мы стерли вам память. Частично. Только о той ночи и обо всём, что с ней связано. Чтобы вы были в безопасности. Чтобы, если они вернуться, вы были для них пустым местом.

— И они вернулись, — сказал я тихо. — Не они, но другие. Лом-Эли и тот, в пальто. Они меня нашли.

Мария и Виктор замерли.

— Что они вам сказали? — спросила Мария. Голос у неё стал другим. Жёстче.

— Да ничего, абсолютно. Я же говорю: пришли, вырубili, увезли в гараж. Допрашивали. А потом, когда поняли, что я ничего не помню, отпустили. Лом-Эли даже сигареты мне в карман сунул. Сказал: «Забуди и не суйся».

В комнате повисла тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом и намазывать на печенье.

— Этого не может быть, — сказал Виктор. — Откуда они узнали? Кто им сказал?

— Хороший вопрос, — Мария встала, подошла к стене и снова уставилась на неё. — Очень хороший вопрос.

— Может, случайно? — предположил я. — Увидели меня где-то, заинтересовались?

— Нет, — отрезала Мария. — Так не работает. О наблюдателях седьмого уровня просто так не узнают. Нужен источник. Кто-то, кто знает и кто продал информацию.

— Думаете, у вас утечка? — спросил я.

Мария обернулась. Посмотрела на меня долгим взглядом.

— Не знаю, — сказала она. — Но обязательно выясню.

— А пока выясняете, что мне делать? — спросил я. — Сидеть здесь и ждать, пока меня снова похитят? Или сразу убьют?

— Вы можете подписать контракт, — сказал Виктор. — Стать частью «Фабрики». Получить защиту, жильё, зарплату и возможность не бояться, что вас украдут.

— Зарплату? — я оживился. — А сколько?

— Достойно, — уклончиво ответила Мария.

— А страховка есть?

— Есть.

— А соцпакет?

— Дмитрий, — Мария вздохнула, — мы серьёзная организация. У нас всё есть. Даже корпоративные вечеринки.

— С алкоголем?

— С алкоголем.

— А призраки на вечеринки приходят?

— Хватит дурачиться, вы бываете серьезным?

Я задумался. Посмотрел на печенье. На кофе. На Виктора, который снова уставился в стену.

— А что будет, если я не подпишу?

— Мы снова сотрём вам память, — спокойно сказала Мария. — Отправим домой. Вы будете жить своей жизнью. Не долго. Теперь, когда о вас узнали посторонние, гарантировать вашу безопасность мы не сможем. Рано или поздно кто-то до вас доберётся.

— И убьёт?

— Или похитит. Или использует. Вариантов много, все неприятные.

Я вздохнул. Потёр лицо ладонями.

— Знаете, — сказал я, — когда я сегодня проснулся, я думал, что самое страшное в моей жизни — это дописать курсач и не сдохнуть от похмелья. А теперь я выбираю между работой на секретную организацию и перспективой быть убитым из-за того, что вижу призраков.

— Дмитрий.. — снисходительно, но с раздражением начала Мария.

Я протянул руку.

— Давайте ваш контракт.

Мария достала из портфеля папку, открыла на последней странице. Протянула ручку.

— Читать будете?

— А смысл? — я усмехнулся. — Вы же мне потом память сотрёте, если что.

— Не сотрём, — сказала Мария. — Теперь вы свой. Своим не стираем.

Я размашисто подписал. Поставил дату. Завитушку добавил для солидности.

— Готово.

Мария убрала папку. Улыбнулась. Впервые за всё время улыбнулась не казённо, а почти по-человечески.

— Поздравляю, Дмитрий. Добро пожаловать в штат.

— Спасибо, — сказал я. — А можно теперь ещё печенья?

— Можно.

Я взял ещё одно. Откусил. Я допил кофе. Встал.

— Ладно. Что дальше? Куда идти? Что делать?

— Для начала — отдохнуть, — сказала Мария. — Вы через многое прошли. Завтра приступим к работе. А сегодня — просто поешьте, поспите, придите в себя.

— Ладно, — согласился я. — Уговорили. Завтра так завтра.

Мария проводила меня до комнаты. Вручила ключ-карту.

— Номер 16. Отдыхайте. Если что-то понадобится — наберите по внутреннему телефону. Ноль-один.

— А еда?

— Столовая работает круглосуточно.

— А кофе?

— Тоже.

— А печенье?

Мария улыбнулась.

— Печенье я вам оставлю.

Она протянула мне жестяную коробку. Ту самую, с шоколадным.

— Спасибо, — сказал я. — Вы хорошая. Для сотрудника секретной организации.

— Стараемся, — ответила она и ушла.

Я вошёл в комнату. Небольшая, чистая. Кровать, стол, стул, шкаф. На столе — бутылка воды, стакан и журнал про охоту и рыбалку. Окно выходило во внутренний дворик с бетонными стенами.

Я сел на кровать. Открыл коробку с печеньем. Откусил одно. Посмотрел на потолок. Белый, ровный, без трещин.

Потолок молчал. Стены молчали. Только где-то далеко гудела вентиляция.

Я лёг. Закрыв глаза. И вдруг вспомнил глаза человека в пальто. Спокойные. Равнодушные. Как у рыбы.

— Лом-Эли, — прошептал я. — Какое же дурацкое имя.

И провалился в сон.

Глава 17

10 августа 2025. Добро пожаловать на борт, лох. Вот твоя форма, вот твой личный проводник в мир тотального пиздеца.

Разбудил меня не будильник, не голод и даже не кошмар про Лом-Эли. Разбудил меня звук. Тонкий, противный, как комариный писк, только ритмичный. Кто-то тихонько скрёбся в дверь.

Я свесил ноги с кровати. Голова была ватной, но хотя бы не болела. Вчерашний день уложился в памяти неровными кусками, как битое стекло в ведре: печенье, допрос, подпись, снова печенье. И главное — чувство, что меня только что поимели, но даже не предложили расслабиться.

— Кого там несёт? — крикнул я в сторону двери.

Скребок прекратился. За дверью послышалось сопение, а затем неуверенный голос:

— Э-это Гена. Мария сказала встретить вас и... показать фабрику.

Я вздохнул. Надел джинсы, натянул футболку, подошёл к двери и открыл.

На пороге стоял Гена.

Я сначала подумал, что это шутка такая. Или розыгрыш. Или Мария решила проверить мою психику на прочность экстремальным способом.

Гена был высоким. Очень высоким. Метра под два, наверное. Но при этом тощим, как высушенная вобла. Его шея напоминала длинный стебель, на котором держалась маленькая, чуть приплюснутая голова. Уши торчали в стороны, как локаторы, и, кажется, слегка шевелились, когда он прислушивался. Очки с толстенькими линзами увеличивали его глаза до размеров блюдца, отчего он напоминал испуганного инопланетного детёныша. На нём был серый костюм — точно такой же, как у вчерашних гостей, только болтался он на Гене, как на вешалке, а брюки были настолько коротки, что открывали миру тощие лодыжки и стоптанные кроссовки.

— Охренеть, — вырвалось у меня. — Ты кто?

— Я Гена, — повторил он, смущённо переминаясь с ноги на ногу. Он, кажется, даже не понял, что я не спрашиваю имя, а просто выражаю крайнюю степень ахуя от его внешности. — Я должен выдать вам форму и провести экскурсию.

— Форму? — я покосился на его костюм. — Надеюсь, она не такая, как у тебя. А то я в своих джинсах как-то привычнее.

Гена моргнул. Его глаза за стёклами очков стали ещё больше.

— Почему? Что не так с моим костюмом?

— Ген, — я положил руку ему на плечо. Плечо было костлявым и острым. — С твоим костюмом всё в порядке. Если ты, конечно, собрался пугать ворон на огороде. А для нормальной жизни... ну, есть нюансы.

Гена смотрел на меня с искренним непониманием. Абсолютным. Как собака, которой объясняешь теорию относительности.

— Ворон? — переспросил он. — Зачем мне пугать ворон? У нас нет ворон на базе. Система вентиляции не позволяет.

— Забудь, — я махнул рукой. — Давай форму.

Гена обрадовался, что разговор перешёл в понятное ему русло. Он протянул мне свёрток. Я развернул — идеально выглаженные серые брюки, пиджак, белая рубашка и даже галстук. Всё моего размера. Как будто они знали.

— Вы должны переодеться, — сказал Гена. — Это униформа. Мария сказала, что внешний вид сотрудника дисциплинирует.

— Мария много чего говорит, — проворчал я, но форму взял. — Отвернись.

Гена послушно отвернулся к стене и замер, как солдат на посту. Я быстро натянул штаны и пиджак. Странное дело — сидело идеально. Даже в плечах не жало. Я посмотрел на себя в маленькое зеркальце над умывальником. Из зеркала на меня смотрел типичный мелкий клерк из конторы по продаже пластиковых окон. Не хватало только бейджика и фальшивой улыбки.

— Готов, — сказал я.

Гена обернулся. Окинул меня взглядом и одобрительно кивнул, отчего его очки чуть не слетели с носа.

— Хорошо. Пойдёмте. Я покажу вам фабрику.

Мы вышли в коридор. Он оказался длинным, выкрашенным во всё тот же унылый зелёный цвет, с редкими дверями и табличками. На табличках значилось что-то странное: «Отдел контроля брака», «Сектор первичной обработки», «Архив эфирных паттернов».

— А тут у нас столовая, — Гена остановился у двери с надписью «Пункт приёма пищи №1». — Работает круглосуточно. Кормят... ну, нормально. Я привык.

— Ген, а давно ты тут работаешь? — спросил я, пока мы шли дальше.

— Давно, — он задумался. — Год? Или два? Я плохо считаю время. Тут оно по-другому течёт.

— В смысле — по-другому?

— Ну, — Гена пожал плечами. — Иногда кажется, что день прошёл, а по часам — три. А иногда наоборот. Мария говорит, это из-за близости к разрывам. Время тут нелинейно.

— Охуеть, — сказал я. — Нелинейно. А зарплату тоже нелинейно платят? Или раз в месяц, как у людей?

Гена посмотрел на меня с лёгким укором.

— Вы всё шутите. А зря. Фабрика — важное место. Мы делаем нужное дело.

— Какое? Латаем дыры в реальности? — я не удержался от иронии.

— Да, — серьёзно ответил Гена. — Именно.

Я замолчал. С такими, как Гена, спорить бесполезно. Они верят в свою работу так же свято, как я верю в то, что пиво — это жидкий хлеб. Только хлеб меня ещё ни разу не пытался убить.

— Ген, — сказал я, когда мы дошли до очередного ответвления коридора. — Отведи меня в столовую. Я жрать хочу. Уже два дня во рту только печенье было, а печенье — это не еда, это так.

— Печенье — это углеводы, — наставительно сказал Гена. — Для мозга полезно.

— Мозгу, Ген, полезно, когда его не бьют по затылку и не стирают память. А углеводы я как-нибудь сам добуду. Пошли.

Столовая оказалась именно такой, как я и ожидал: огромный зал с пластиковыми столами, раздаточная линия и запах дешёвой еды, который, впрочем, сейчас казался мне ароматом рая. Я набрал поднос: макароны с котлетой, компот, булка и для профилактики. В углу стоял автомат с печеньем. — Гена, ты же любишь углеводы? — уточнил я. — Ну да — Достань из автомата нам пачку печенья шоколадного. — А ты мне потом вернешь? — Гена, мы почти друзья, а друзья угощают друг друга, не теряя время, Гена. Вон автомат. Я сел с подносом, Гена сел напротив, но есть не стал, только смотрел, как я уничтожаю еду. Смотрел он при этом с таким выражением, с каким обычно смотрят на редкого зверя в зоопарке.

— Чего уставился? — спросил я с набитым ртом.

— Вы странный, — честно сказал Гена. — Все новенькие странные. Но вы страннее других.

— Это почему?

— Вы шутите. Всё время. А когда не шутите — злитесь. А когда не злитесь — боитесь. Но при этом едите, как будто ничего не случилось.

Я отложил вилку. Посмотрел на Гену. Он говорил это беззлобно, просто констатировал факт. Как робот.

— Ген, — сказал я. — А как ты сюда попал?

Гена опустил глаза. На его лице — ну, на том, что я видел за очками — появилось что-то похожее на грусть.

— Я жил с мамой, — сказал он тихо. — У нас были кошки. Много кошек. Мама их любила. А потом мама... умерла.

Он замолчал. Я тоже молчал, боясь спугнуть этот момент. Котлета во рту вдруг перестала казаться вкусной. — Ген, ну я же кушаю, еб твою мать.. Ну в смысле.. Извини..

— Она умерла, — повторил Гена. — Сердце. Скорую вызвали, но они не успели. Я остался один. С кошками. А потом... потом пришли они.

— Кто? — спросил я, хотя уже догадывался.

— Мария и Виктор. Сказали, что мама не ушла совсем. Что её дух... застрял и мучается. Из-за кошек. Она очень за них переживала. И они предложили... предложили сделать её заплаткой.

Я поперхнулся компотом.

— ЧЕГО? — закашлялся я. — Они что, твою маму... в заплатку превратили?

— Да, — Гена поднял на меня глаза. В них не было боли. Только какая-то странная, почти религиозная уверенность. — Теперь она часть фабрики. Она зашивает разрывы. Помогает другим. Она... полезная.

— Гена, — я отодвинул тарелку. — Ты понимаешь, что это пиздец? Твоя мама — не человек, не душа, а заплатка? Как старые носки?

Гена нахмурился. Его тонкие брови сошлись на переносице.

— Не надо так говорить. Она не носки. Она — важный элемент. Без неё дыра в реальности в нашем районе расширилась бы, и кошки начали бы... ну, проходить сквозь стены. А это неправильно. Кошки должны быть в квартире, а не в стене.

Я закрыл лицо руками. Посидел так минуту. Потом убрал руки.

— Гена, ты самый странный человек, которого я встречал. А я недавно встречал мужика с руками-лопатами и женщину, которая знает, какой у меня размер одежды.

— У Марии хороший глазомер, — серьёзно кивнул Гена. — Она молодец.

Я засмеялся. Нервно, истерично, но засмеялся.

— Гена, ты просто сокровище. Тебя нельзя обижать. Ты как щенок, который не понимает, что его бьют газетой, и думает, что это игра.

— Меня не бьют, — сказал Гена. — Я полезный сотрудник. У меня хорошие показатели.

— Верю, — я взял себя в руки. — Ладно. Спасибо, что рассказал. Правда. Это... это грустно, но я рад, что ты нашёл своё место.

— Я тоже рад, — улыбнулся Гена. Улыбка у него была детской, почти беззубой. — И я рад, что вы пришли. Пополнение — это хорошо. Вместе мы сможем зашить больше дыр.

— Ага, — сказал я. — Станем командой супергероев. Будем летать и спасать мир от призраков. Только плащи, надеюсь, выдадут не серые?

Гена посмотрел на меня с недоумением.

— Плащи не выдают. Форма только серая. Это унифицировано.

— Я пошутил, Гена.

— А, — он заулыбался. — Вы опять шутите. Это хорошо. Мария говорит, что юмор помогает адаптироваться.

— Мария у нас прямо кладезь мудрости, — проворчал я, доедая котлету.

Гена вдруг посмотрел на часы. Большие, командирские, на толстом кожаном ремешке, которые смотрелись на его тощем запястье как булыжник на нитке.

— Ой! — воскликнул он. — Время! Нам пора к Марии. Она просила привести вас сразу после завтрака.

— Чего так срочно?

— Не знаю, — Гена вскочил, едва не опрокинув стул. — Наверное, дело. Пойдёмте быстрее!

Я допил компот, схватил печенье со стола и пошёл за Геной. Он нёсся по коридорам с такой скоростью, будто за ним гнались черти. Я едва поспевал, проклиная свою неспортивность и макароны, которые неприятно булькали в желудке.

Мы влетели в приёмную Марии. Она сидела за столом и смотрела на монитор. Увидев нас, подняла голову. Разговаривала она нервно, от вчерашней учтивости мало что осталось.

— Быстро, — одобрительно сказала она. — Садитесь, Дмитрий. Разговор есть.

Я плюхнулся на стул. Гена остался стоять у двери, переминаясь с ноги на ногу.

— Что случилось? — спросил я.

Мария развернула ко мне ноутбук. На экране была карта.

— Вот здесь, промзона.

— Странно, — она ткнула пальцем в точку на карте. — Вчера мы тут засекли активность. Тот самый гараж, где вас держали.

— И что?

— А то, — Мария посмотрела на меня в упор. — Вы теперь наш сотрудник. У вас есть доступ к информации, которой нет у них. И у вас есть глаза, которые видели Лом-Эли и его хозяина.

— И?

— И вы поедете туда. Сейчас. Покажете нам точное место. Мы проведём зачистку.

Я сглотнул.

— А если они там?

— Значит, будем работать, — спокойно сказала Мария. — Не бойтесь, Дмитрий. Теперь ты с нами. А мы, в отличие от тебя, умеем не только печенье жрать.

Она протянула мне ключи от какой-то машины.

— Гена, — сказала она, не оборачиваясь. — Свободен. И спасибо за экскурсию.

— Всегда пожалуйста, — пискнул Гена и испарился.

Я смотрел на ключи в своей руке. Потом на Марию. Потом снова на ключи.

— Значит, — медленно сказал я. — Мой первый рабочий день начинается с поездки в место, где меня чуть не убили?

— Именно, — кивнула Мария. — Соберись.

Я вздохнул, сунул печенье в карман пиджака и встал.

— Ладно. Где машина?

Мария улыбнулась. На этот раз её улыбка была почти тёплой.

— Машина ждёт у выхода. А гараж... ты сам найдёшь. Ты же там был.

— Был, — буркнул я. — И надеялся больше не вернуться.

Я вышел в коридор. Серый пиджак сидел на мне идеально. В кармане лежало печенье. Впереди ждал гараж, полный ответов и, возможно, новых проблем.

— Добро пожаловать в штат, — прошептал я сам себе. — Мать вашу.

Глава 18

10 августа 2025. Страх — это когда ты понимаешь, что сейчас может стать больно. А ужас — когда ты понимаешь, что больно станет всем, и тебе в первую очередь.

Я вышел из здания и сразу попал в объятия утреннего солнца. Оно било в глаза, как прожектор на допросе, и я зажмурился. Вчерашний день вымотал меня так, что я даже не обратил внимания, как выглядит база «Фабрики» снаружи. А выглядела она... никак. Обычное серое здание, каких полно на любой промзоне. Обшарпанная бетонная коробка с редкими окнами, за которыми явно никого не было. Ангар справа, забор слева, вдалеке дымит труба. Всё.

Перед входом стоял фургон. Не просто фургон, а целый бронированный монстр на базе «ГАЗели», только тонированный до состояния полной непрозрачности и с такими колёсами, будто собирался штурмовать пустыню Сахару. Возле него курили люди.

Шесть человек. Все в одинаковых серых пиджаках. Все с одинаково отсутствующими лицами. Они стояли и молча смотрели в пространство, изредка затягиваясь сигаретами. Никто не разговаривал. Никто не смотрел друг на друга. Они были похожи на зомби из дешёвого ужастика, которым забыли выдать грим.

— Офигеть, — пробормотал я, спускаясь по лестнице. — Прямо отряд смертников из фильма про зомби-апокалипсис.

Никто не обернулся. Никто не отреагировал. Один из них, здоровый мужик с квадратной челюстью и бритой головой, докурил, бросил окурочок на асфальт, раздавил его носком ботинка и молча полез в фургон. За ним, как по команде, потянулись остальные. Молча. Без единого слова. Просто открыли заднюю дверь и начали загружаться внутрь, как мешки с картошкой.

— Эй, — сказал я в пространство. — А мне куда?

Один из них — тощий, с длинными патлами, которые никак не сочетались с серым пиджаком — мельком глянул на меня и мотнул головой в сторону фургона. Мотнул и отвернулся.

— Красноречиво, — проворчал я и полез следом.

Внутри фургон оказался переоборудован под перевозку людей: две длинные скамьи вдоль бортов, железные, неудобные, обшитые дерматином, который помнил, наверное, ещё начало двухтысячных. Пахло потом, резиной и чем-то химическим, как в старом автобусе, который возил рабочих на завод.

Народ уже расселся. Четверо на одной лавке, двое на другой. Места на моей стороне осталось ровно одно — между тощим патлатым и квадратным лысым. Я втиснулся, стараясь не задеть никого локтями. Лысый даже не шелохнулся. Патлатый чуть подвинулся, освобождая место, но продолжил смотреть в пол.

— Уютненько, — сказал я. — Прямо как в маршрутке в час пик, только без бабок с сумками и петухов, которые едут с рынка.

Тишина. Абсолютная. Даже дыхания не было слышно, хотя дышали все. Я покосился на лысого. Он сидел, сложив руки на коленях, и смотрел прямо перед собой немигающим взглядом. Глаза у него были светлые, почти прозрачные, и в них не читалось ровно ничего. Ни страха, ни интереса, ни даже скуки. Пустота.

— А ты специально прижимаешься? — спросил я. — Я тебе понравился?

Ноль эмоций. Даже веко не дрогнуло.

— Ладно, — я откинулся на жёсткую спинку. — Значит, играем в молчанку. Можем. Я вообще-то тоже не люблю разговаривать с утра.

Никто даже не хмыкнул.

Минута прошла. Две. Фургон стоял на месте, мотор не работал, и тишина становилась всё гуще, плотнее, как кисель. Я начал нервничать. Нет, не так — я начал ПИЗДЕЦ как нервничать. Страх перед предстоящей поездкой в промзону, где меня чуть не убили, смешивался с этим тотальным, гробовым молчанием окружающих. Мне захотелось заорать, или засмеяться, или просто выпрыгнуть из фургона и побежать куда глаза глядят.

— Слушайте, — не выдержал я. — Ну правда. Мы же тут все взрослые люди. Наверное, смертники. Едем, судя по всему, на верную гибель. Может, хоть познакомимся?

Патлатый покосился на меня. На секунду мне показалось, что он сейчас ответит. Но он просто перевёл взгляд на свои колени и снова замер.

— Глухо, — констатировал я. — Ну, хотя бы песню, что ли, спойте? Или анекдот расскажите? Есть анекдот про Чапаева и пустоту. Очень жизненный сейчас.

Тишина.

В этот момент дверь фургона с лязгом отъехала в сторону. На пороге стоял Виктор. Тот самый, вчерашний, с лицом, которое не выражало эмоций даже когда мир рушился. Он окинул взглядом салон, задержался на мне на секунду дольше, чем на остальных, и молча забрался внутрь.

Дверь закрылась. Мотор взревел. Фургон дёрнулся и поехал.

Виктор сел напротив меня, между двумя другими «молчунами», и уставился мне прямо в глаза. Я выдержал его взгляд секунд пять, потом не выдержал и отвёл глаза.

— Куда едем? — буркнул я. — Ладно, шутка. Слушай Витёк, мне как-то страшно.

Виктор молчал. Просто смотрел. Как удав на кролика. Только удавы обычно хотят сожрать, а этот, кажется, просто оценивал, сколько во мне мяса и как быстро я буду перевариваться в желудке реальности.

Фургон трясло на ухабах. Мы явно выехали за город, потому что асфальт кончился и началась грунтовка, местами переходящая в откровенное бездорожье. Я вцепился в скамью, чтобы не навернуться на лысого, который сидел как истукан и даже не качался.

— Долго ещё? — спросил я в пространство.

Виктор посмотрел на часы. Потом на меня. Ничего не сказал.

— Риторический вопрос, понял, — вздохнул я.

Время тянулось бесконечно. Я успел перебрать в голове все возможные варианты развития событий. Оптимистичный: мы приезжаем, никого нет, я показываю гараж, мы уезжаем, я получаю премию печеньем. Пессимистичный: мы приезжаем, там Лом-Эли и его хозяин.

От мыслей меня отвлекла резкая остановка. Фургон дёрнулся, замер, и мотор заглох.

— Приехали, — сказал Виктор. Впервые за всю поездку.

Дверь открылась. Внутрь хлынул свет и запах промзоны — мазут, ржавчина, сухая трава и лёгкий привкус безнадёги.

Я вылез наружу и огляделся. Виктор достал автомат, от этого мне стало ещё страшнее.

Место было то самое. Я узнал его сразу, хотя в прошлый раз видел всё немного в других обстоятельствах. Те же ржавые заборы, те же кучи мусора, та же труба вдалеке, дымящая чем-то ядовитым. Только сейчас было тихо. Подозрительно тихо. Даже птицы не пели. Даже ветер не дул. Воздух застыл, как желе, и давил на уши.

— Тишина, — сказал я. — Уехали.

Виктор вышел следом, за ним — шестёрка молчунов. Они выстроились полукругом, глядя в сторону гаража, который виднелся метрах в двухстах. Тот самый гараж. Серый, облупившийся, с проржавевшей дверью.

— Гараж там, — показал я пальцем. — Вон тот, с ржавой крышей. Если верить моей памяти, внутри пусто. Но я бы не доверял своей памяти. Мне её стирали. Два раза. Три? Я уже сбился со счёту.

Виктор поднял руку, приказывая замолчать. Я замолчал. Молчуны напряглись, но внешне это никак не проявилось. Они просто стали чуть более собранными. Как пружины, готовые распрямиться.

— Вперед, — тихо сказал Виктор.

Мы двинулись. Я шёл в центре, окружённый серыми пиджаками, как особо ценный груз, который нельзя потерять. Ноги увязали в пыли, подошвы хрустели по битому стеклу и ржавым гайкам. Вокруг стояла мёртвая тишина, нарушаемая только нашими шагами.

До гаража оставалось метров пятьдесят, когда я заметил её.

Машина.

Старая, потрёпанная «Лада Приора», цвета выцветшей синевы, стояла прямо у ворот гаража, вплотную, будто припарковалась и бросила здесь якорь на веки вечные. Капот был приподнят, как разинутый рот, из-под него торчали какие-то провода.

— Странно, — прошептал я. — В прошлый раз её тут не было.

Виктор тоже заметил машину. Он остановился, поднял руку. Молчуны замерли, превратившись в изваяния.

— Осмотреть, — скомандовал Виктор. Коротко, как выстрел.

Четверо отделились от группы и бесшумно, как кошки, двинулись к «Приоре». Я смотрел, как они приближаются, и чувствовал, как внутри разрастается холодный комок страха. Что-то было не так. Совсем не так.

Они подошли к машине. Один заглянул под капот. Второй присел, осматривая днище. Третий дёрнул ручку двери — заперто. Четвёртый стоял на стрёме, водя стволом пистолета — когда они успели их достать, я не заметил — по окрестностям.

— Чисто, — крикнул тот, что заглядывал под капот. Голос прозвучал неестественно громко в этой тишине.

И в этот момент «Приора» взорвалась.

Я не успел даже зажмуриться. Просто ударная волна швырнула меня на землю, выбив воздух из лёгких. В ушах зазвенело так, будто рядом ударили в колокол. В глазах потемнело, потом вспыхнули искры.

Я поднял голову. То, что было «Приорой», теперь представляло собой пылающий остров, развороченный взрывом. Вокруг валялись куски металла, горела трава, и на этой траве лежали четверо молчунов. Точнее, то, что от них осталось. Один не двигался вообще. Второй дёргался в агонии. Третий пытался встать, но ноги его не слушались. Четвёртый...

Четвёртый исчез. Просто испарился.

— ЗАСАДА! — заорал кто-то. Кажется, я сам. Или Виктор. Или все сразу.

Из-за гаражей, из-за мусорных куч, из-за ржавых контейнеров полезли люди. Много людей. Они были одеты в чёрное. В руках у них было оружие.

Начался хаос.

Молчуны — те двое, что остались, кроме меня и Виктора — открыли ответный огонь. Затрещали выстрелы, завизжали рикошеты от железа. Я вжался в землю, пытаюсь стать как можно меньше, пытаюсь не привлекать внимания, пытаюсь просто выжить.

— Дмитрий! — рявкнул Виктор. — За мной!

Он схватил меня за шиворот и рванул в сторону, к куче ржавых бочек. Мы рухнули за них, пули защёлкали по металлу, выбивая искры.

— Это они! — заорал я. — Они знали, что мы придём!

— Заткнись! — Виктор высунулся, выпустил короткую очередь, снова спрятался. — Уходим!

— Куда? — заорал я. — Там стреляют! Там везде стреляют!

И в этот момент я обернулся.

Сзади, метрах в тридцати, у пролома в заборе, стояли двое. Я узнал их сразу. Огромная фигура Лом-Эли с его руками-лопатами. И рядом — тот самый, в пальто. Худой, высокий, с глазами как у рыбы. Они не стреляли. Просто стояли и смотрели. Как на представление.

— ВИКТОР! — заорал я, тыча пальцем. — ТАМ! ОНИ ТАМ!

Виктор обернулся. На его лице впервые за всё время появилось выражение. Не страх. Злость. Чистая, холодная злоба.

— Сука, — прошипел он.

Он вскинул автомат, но стрелять не успел.

Потому что земля под нами задрожала.

Сначала я подумал, что началось землетрясение. Или это у меня от страха галлюцинации. Но звук нарастал. Гул мотора. Тяжёлого, старого, дизельного.

Из-за забора, прямо сквозь дыру, выехал грузовик.

КраЗ. Старый, ржавый, советский монстр с высоким капотом и кузовом, обитым железом. Он нёсся прямо на нас, сметая всё на своём пути. Мусорные баки разлетались в стороны, как кегли. Ржавые листы железа вгрызались в землю.

— БЛЯДЬ! — заорал я.

Виктор схватил меня и швырнул в сторону. Я покатился по земле, обдирая ладони и колени, ударился о какую-то трубу и замер.

Грузовик промчался в сантиметрах от меня. Я почувствовал жар от двигателя, запах соляры и смерти. Он протаранил бочки, за которыми мы только что прятались, разметал их в стороны и, взвизгнув тормозами, развернулся, готовясь к новому заходу.

Я поднял голову. Лом-Эли и его хозяин исчезли. Вместо них из пролома уже лезли новые люди в чёрном. Стрельба не стихала. Где-то кричали раненые. Пахло гарью и кровью.

КраЗ сдал назад, взревел двигателем и снова пошёл на таран. Прямо на меня.

Глава 19

10 августа 2025. Сознание — штука хрупкая. Особенно когда тебя только что чуть не раздавил грузовик, а теперь ты снова привязан к стулу. В гараже. Опять.

Сознание возвращалось порциями, как рассрочка в банке — сначала маленькими кусочками, чтобы ты обрадовался, а потом сразу всем остальным, чтобы ты понял, что влип по полной.

Первым вернулся слух. Где-то капала вода. Металлический звук, ритмичный, как метроном, отсчитывающий секунды до моей смерти. Потом — чьё-то тяжёлое дыхание. Не моё. Моё было поверхностным и паникующим.

Потом вернулась боль. Голова гудела, как трансформаторная будка. Затылок саднил — видимо, по нему снова поработали профессионалы. Руки затекли. Запястья жгло — проволока. Знакомая, сука, проволока. Я уже начал узнавать её на ощупь.

Я открыл глаза.

Картинка налаживалась медленно, как дешёвый телевизор с убитой трубкой. Сначала просто пятна: серое, коричневое, ржавое. Потом проступили детали.

Гараж. Опять гараж. Другой, не тот, где меня держал Лом-Эли в прошлый раз. Этот был побольше, поприбраней, но воняло здесь так же — мазутом, ржавчиной и страхом. Много страха. Он висел в воздухе, осязаемый, как туман.

Я сидел на стуле. Венский, классика. Руки примотаны проволокой к подлокотникам, ноги — к ножкам. Дёрнулся — бесполезно. Проволока впилась в кожу, но не поддалась.

— Да блять, — прохрипел я. — Опять?

Слева от меня, на таком же стуле, сидел Виктор. Я узнал его сразу, хотя голова у него была опущена, и с лица текла кровь. Тот самый Виктор, который молчал всю дорогу, а потом стрелял по грузовику. Сейчас он был в отключке. Или делал вид.

Ещё левее — лысый молчун. Тот самый, который прижимался ко мне в фургоне и даже не дёрнулся, когда я шутил, или, если быть точнее, пытался шутить. Он был в сознании. И он смотрел на меня. Глаза у него были не пустыми, как раньше. Теперь в них плескался животный, липкий ужас.

— Чего уставился? — спросил я. — В первый раз?

Лысый не ответил. Только сглотнул. Кадык дёрнулся, как поршень.

Я повернул голову направо. И увидел их.

Напротив нас, в пяти метрах, стояли люди. Пятеро. Я узнал двоих сразу.

Лом-Эли. Огромный, как шкаф, с руками-лопатами, в той же грязной телогрейке. Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на нас без всякого выражения. Как смотрят на муравьёв, которые забрели не туда.

Рядом с ним — хозяин. Тот самый, в пальто. Худой, высокий, с глазами как у рыбы. Сейчас пальто было расстёгнуто, и я увидел, что под ним обычная серая водолазка и джинсы. Обычный мужик. Если бы не глаза.

— Очухался, — сказал хозяин. Голос у него был спокойный, даже скучающий. — Долго ты.

Я хотел ответить что-то остроумное, но язык не слушался. Во рту пересохло, как в пустыне Сахара после ядерного взрыва.

— Воды бы, — просипел я.

Лом-Эли усмехнулся. Гулко, как медведь.

— Будет тебе вода, — сказал он. — Потом.

Рядом с ними стояли ещё трое. Двое — справа, один — слева.

Правые были колоритными типами. Настолько колоритными, что я сначала подумал — галлюцинация. Один — тощий, с длинными сальными патлами, в кожаной куртке, расписанной краской, и с серьгой в ухе. Типичный панк из девяностых, которых сейчас днём с огнём не сыщешь. На лице — татуировки: паутина на скуле и крест на щеке, кинжал на шее. В руках он держал монтировку и поигрывал ею, как тросточкой.

Второй — полная противоположность. Короткий, коренастый, лысый, с бородой, которая начиналась прямо от скул и спускалась на грудь клинышком. Одет в ватник, перетянутый ремнём, и кирзовые сапоги. Типичный бродяга, каких полно на вокзалах. Только взгляд у него был не мутный, а цепкий, как у волка.

— Красавцы, — прокомментировал я. — А кто из вас Юра Хой?

Панк засмеялся. Бродяга даже не шелохнулся.

А слева стоял третий. И вот этот третий заставил меня замереть.

Старик.

Лет семидесяти, не меньше. Одет в выцветшую телогрейку и рваные ватные штаны. В руках — старенькое двуствольное ружьё. Приклад замотан изолентой, стволы смотрят в пол. Лицо — как высохшая груша, морщинистое, землистого цвета. Но глаза... глаза были светлыми и безумно ясными.

Где-то я его видел. Точно видел. Но где? Когда?

— Ты... — начал я. — Мы знакомы?

Старик посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то. То ли узнавание, то ли насмешка.

— Грибник, — сказал он хрипло. — Я тут белые собирал. В лесу.

Лом-Эли хмыкнул и переглянулся с хозяином.

В этот момент застонал Виктор. Он дёрнулся, поднял голову. Кровь залила ему пол-лица, но глаза уже фокусировались. Он обвёл взглядом помещение, увидел хозяина, и на его лице появилось выражение. Не страх. Узнавание.

— Глеб, — прохрипел он. — Сухой.

Хозяин улыбнулся. Тонко, одними уголками губ.

— Здорово, Виктор. Давно не виделись.

— Пошёл ты, — выплюнул Виктор. Кровь брызнула на пол.

— Глеб Сухой? — переспросил я. — Серьёзно? Это имя или кличка? Типа, он сухой, потому что не пьёт? Или потому что из воды выходит сухим? Дебильная кличка.

Все посмотрели на меня. Лом-Эли с лёгким интересом. Панк с недоумением. Бродяга с ненавистью. Старик — с насмешкой. А Глеб Сухой — с абсолютным, пустым спокойствием.

— Болтливый, — сказал он. — Это хорошо.

Он сделал шаг вперёд. Подошёл к Виктору вплотную. Наклонился, заглядывая в глаза.

— Витя, — сказал он тихо. — Сейчас, ты расскажешь всё. Ты знаешь, как я не люблю, когда мне врут. И ты знаешь, что я умею добиваться правды.

Виктор молчал. Только смотрел на Глеба с ненавистью.

— Я задам простой вопрос, — продолжал Глеб. — Вы завербовали этого парня. Зачем? Почему он так важен для Фабрики?

Виктор сплюнул кровью. Плевков попал Глебу на ботинок.

— Пошёл ты, Сухой. Со своими вопросами. В жопу себе засунь.

Глеб выпрямился. Посмотрел на Лом-Эли. Тот кивнул и отошёл в сторону, к верстаку, на котором лежали инструменты. Я только сейчас заметил этот верстак. И то, что на нём лежало.

Кувалда.

Обычная кувалда. Длинная рукоять, тяжёлая металлическая болванка на конце. Такими обычно забивают сваи или ломают бетон. Лом-Эли взял её в руки легко, как будто это была не кувалда, а теннисная ракетка.

— Ты знаешь правила, Витя, — сказал Глеб. — Если ты отказываешься отвечать, то ты страдаешь, потом твои коллеги страдают. Сначала этот, — он кивнул на лысого. Лысый дёрнулся и замычал что-то нечленораздельное. — Потом болтливый.

— Да пошёл ты, — повторил Виктор. — Делай что хочешь. Я не скажу.

Глеб вздохнул. Посмотрел на Лом-Эли.

— Лом, работай.

Лом-Эли шагнул вперёд. Кувалда в его руках смотрелась почти игрушечно, но я-то знал, сколько она весит. Килограммов десять, не меньше. Он подошёл к Виктору, встал сбоку.

Виктор смотрел прямо перед собой. Не на кувалду. Не на Лом-Эли. В пустоту. Губы его шевелились — может, молитву читал, может, прощался с жизнью.

— Последний раз спрашиваю, — сказал Глеб. — Зачем он вам?

— Иди нахуй, — отчеканил Виктор.

Лом-Эли размахнулся.

Я зажмурился. Но звук всё равно услышал.

Это был не просто удар. Это был хруст, чавканье, треск и брызги, смешанные в один тошнотворный аккорд. Что-то тяжёлое встретилось с чем-то мягким, и мягкое проиграло. На пол шлёпнулось мокрое. Я не смотрел, но слышал.

— Блядь, — выдохнул панк. — Никак не привыкну.

— Привыкнешь, — буркнул бродяга. — Куда денешься.

Я открыл глаза.

Лом-Эли стоял над Виктором, опустив кувалду. То, что было головой Виктора, теперь представляло собой нечто бесформенное, красное, с вкраплениями белого. Оно ещё дёргалось. Потом замерло.

— И нахуй ты его убил? — спокойно спросил Сухой. — Допрашивай его теперь сам.

— Так он же это, сдох уже, — сказал Лом-Эли, рассматривая кувалду. На ней тоже было красное.

— В этом и смысл, полудурок, он нам живой был нужен — Сухой стал растирать виски с закрытыми глазами, будто от головной боли.

Меня вырвало. Прямо на себя, на грудь, на связанные руки. Желудок сжался спазмом, и всё, что я съел в столовой, вышло наружу. Рвота смешалась с желчью, и я закашлялся, даваясь собственным дерьмом.

— Фу, бля, — скривился панк. — Ну и вонища.

— А ты хотел, чтоб конфетами пахло? — заметил бродяга.

Я поднял голову. Лысый молчун, сидевший слева, плакал. По-настоящему плакал, как ребёнок. Слезы текли по его щекам, смешиваясь с соплями, и он даже не пытался их вытирать — руки были связаны.

— Ну ты чего, воин? — спросил панк, подходя к лысому. — Плаки-плаки?

Лысый замычал. Кивнул.

— А когда наших ебали, ты тоже плакал? — с ненавистью спросил бродяга. — Фаб-риканты ебанные, столько людей угандошили, мрази.

Глеб Сухой подошёл к лысому. Остановился напротив. Вытер руки о какую-то тряпку, бросил её на пол.

— Слушай меня внимательно, — сказал он тихо. — Ты видел, что случилось с твоим начальником. Ты не хочешь, чтобы случилось то же самое с тобой. Я прав?

Лысый закивал. Истово, как болванчик.

— Тогда ты сейчас расскажешь мне всё, что знаешь. Про этого парня, — Глеб ткнул пальцем в меня. — Про то, зачем Фабрика его завербовала. Про то, что от него хотят. И если ты соврёшь или что-то утаишь, я отрежу тебе уши. Медленно. Тупым ножом. Потом нос. Потом пальцы. И только потом дам Лому поработать кувалдой. Но попрошу его отбивать тебя, начиная с ног, по сантиметру. Ты понял?

Лысый закивал ещё быстрее. Казалось, голова сейчас оторвётся и укатится под верстак.

— Хорошо, — Глеб кивнул Лом-Эли. — Говори

Лысый заговорил. Торопливо, сбивчиво, захлёбываясь словами и слезами.

— Он... он не просто наблюдатель... Мария взяла анализ... в первую встречу, когда память стёрли... она всегда берёт анализы... у всех новеньких... стандартная процедура... а у него... у него результат пришёл... не такой...

— Какой не такой? — перебил Глеб.

— Он... он не наблюдатель... он Сшиватель... — выпалил лысый. — Я не знаю точно, Мария сказала только Виктору и ещё паре человек... а я случайно услышал... они думали, я не пойму... а я понял...

— Что значит Сшиватель? — Глеб наклонился ближе. В его глазах зажглось что-то похожее на азарт.

— Это... это редкий дар... очень редкий... — лысый говорил, икая и всхлипывая. — Наблюдатели видят мёртвых... они видят Забвение... но не могут туда войти... а Сшиватель может... он может проникать в Забвение сам... своим телом... понимаете? Не душой, а телом... он может ходить туда и возвращаться...

— Забвение, — повторил Глеб. — Мир духов.

— Да... — лысый кивнул. — Там всё по-другому... там время течёт иначе... там души умерших... и те, кого Фабрика использует как заплатки... они все там... это по сути загробный мир... Фабрика закрывает дыры между мирами... душами затыкает... чтобы никто не мог перемещаться... чтобы Ловцы не могли... — он осекся, поняв, что сказал лишнее.

— Чтобы Ловцы не могли, — спокойно повторил Глеб. — Чтобы мы не могли. Правильно?

Лысый затрясся.

— Я не... я не то хотел...

— Всё ты то хотел, — отрезал Глеб. — Продолжай. Как у него это открылось?

— Суицид... — выдохнул лысый. — Он пытался покончить с собой... несколько лет назад... таблетки вроде... и тогда... он умер... но вернулся... понимаете? Он пересёк грань... побывал в Забвении... и вернулся обратно... в своё тело... обычные люди не могут... они либо уходят насовсем, либо возвращаются овощами... а он вернулся целым... и с тех пор видит мёртвых... потому что грань для него стала тоньше... он как бы уже одной ногой там...

Я слушал и чувствовал, как внутри меня всё холодеет. Суицид. Таблетки. Больница. Я помнил это. Помнил, как очнулся с трубкой в горле. Помнил, как после этого начал видеть их. Старуху в автобусе. Безголового мужика. Девочку с выпадающими зубами.

Я думал, это галлюцинации. Побочка. А это был дар.

Или проклятие.

— Сшиватель, — прошептал я. — Я, блядь, Сшиватель? Это типо круто?

— Да, — лысый посмотрел на меня с каким-то странным выражением. То ли с уважением, то ли с завистью. — Вы можете входить в Забвение. Сами. Без помощи Фабрики. Просто... взять и войти. А если можете войти, значит, можете и выйти. И привести кого-то. Или вывести.

— Вывести? — переспросил Глеб. — Вывести оттуда?

— Вернуть к жизни даже, — кивнул лысый. — Но те, кого Фабрика использует как заплатки. Их нельзя вернуть к жизни, они мёртвые. Но их можно... освободить. Забрать у Фаб-

рики. Лишить их материала для затыкания дыр. Фабрика верит, что если залатать все проходы душами, то это будет невозможно.

В гараже повисла тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом и намазывать на хлеб.

Глеб Сухой смотрел на меня. Лом-Эли смотрел на меня. Панк и бродяга смотрели на меня. Старик с ружьём смотрел на меня.

Я чувствовал себя экспонатом в кунсткамере.

— Сшиватель, — сказал Глеб медленно. — Мы искали такого много лет. Думали, их больше нет. Последний умер в девяностых. А ты, значит, просто жил себе,пил дешёвое пиво и дрочил?

— Ну... да, — я не знал, что ещё сказать. — А что, нельзя было?

Глеб усмехнулся.

— Можно, — сказал он. — Даже нужно. Чтобы не привлекать внимания.

Лысый, видя, что его не убивают сразу, заговорил быстрее:

— Фабрика хотела использовать его... они хотели, чтобы он заходил в Забвение и выводил оттуда сильных духов... тех, кого можно перепрограммировать... они хотели создать армию... Я... Я больше ничего не знаю о нем...

— Этого хватит, — оборвал его Глеб.

Глеб повернулся к старику.

— Дед, — сказал он. — Работай.

Старик поднял ружьё. Не спеша, как будто собирался стрелять по банкам на заборе. Прицелился в лысого.

— Нет! — заорал лысый. — Нет, пожалуйста! Я всё сказал! Я помог! Я...

Выстрел грохнул так, что у меня заложило уши. В тесном гараже звук был оглушительным.

Лысого отбросило на спинку стула. На его груди расплылось красное пятно. Он посмотрел на меня. В его глазах застыл вопрос. Потом они остекленели, и голова упала на грудь.

Старик опустил ружьё. Выдохнул.

— Чисто, — сказал он.

— Привычный, — хмыкнул панк. — Старая школа.

— Старая школа, — согласился бродяга.

Я смотрел на два трупа. Виктор — без головы. Лысый — с дырой в груди. И думал только об одном: «Почему меня ещё не убили?»

Глеб Сухой подошёл ко мне. Медленно, как будто у него было полно времени. Остановился в полуметре. Посмотрел в глаза. Его взгляд был тяжёлым, но не злым. Скорее изучающим.

— Ты, — сказал он. — Понял?

— Ну, — ответил я. Голос дрожал, но я старался держаться. — Типа того.

— Ты знаешь, что они с тобой сделали?

— Стерли память. Завербовали. Послали на убой.

— Это сверху, — Глеб покачал головой. — Это ерунда. Они хотели использовать тебя как инструмент. Как ключ к Забвению. Ты для них не человек. Ты — устройство. Штука, которая может открывать двери.

— Лестно, — сказал я. — Никогда не думал, что стану устройством. Я думал, максимум — неудачником с дипломом о высшем образовании.

Глеб усмехнулся. Опять.

— Ты забавный, — сказал он. — Это хорошо. В Забвении с чувством юмора легче.

— В Забвении? — я дёрнулся. — Я туда не пойду! Ни за что!

— Пойдёшь, — спокойно сказал Глеб. — Не сейчас. Потом. Когда поймёшь, что происходит на самом деле, сам захочешь, я обещаю.

— А если я не захочу?

Глеб посмотрел на Лом-Эли. Тот поигрывал кувалдой.

— Захочешь, — сказал Глеб. — Очень захочешь. Потому что выбор у тебя простой: или ты помогаешь нам, и мы защищаем тебя от Фабрики, или ты отказываешься, и мы отдаём тебя Лому, чтобы ты им не достался. А Лом, как ты видел, умеет работать инструментом. Только в его руках ты превратишься не в ключ, а в отбивную.

Я сглотнул. Комок в горле был размером с кулак.

— Выбора нет, — констатировал я.

— Выбора нет, — подтвердил Глеб.

Он наклонился и начал развязывать проволоку на моих руках. Аккуратно, не торопясь. Видимо, боялся поранить ценный инструмент.

Когда последний виток упал на пол, я пошевелил пальцами. Кровь хлынула в затёкшие мышцы, и я зашипел от боли.

— Привыкай, — сказал Глеб. — Теперь ты с нами.

— С вами? — я посмотрел на панка, бродягу, старика и Лом-Эли. — С Ловцами?

— С теми, кто хочет разрушить Фабрику, — поправил Глеб. — Название не важно. Важно дело.

Я потёр запястья. Посмотрел на трупы. Потом снова на Глеба.

— А если я сбегу?

— Куда? — Глеб усмехнулся. — Фабрика тебя найдёт и сделает своим рабом. Мы — единственные, кто может тебя защитить. И единственные, кто может дать тебе ответы.

— Какие ответы?

— Все, — Глеб развёл руками. — Кто ты. Что ты. Зачем ты здесь. И как тебе жить дальше, зная, что ты можешь ходить между мирами.

Я замолчал. Слова застряли в горле.

Лом-Эли подошёл, протянул мне флягу.

— Вода, — сказал он и улыбнулся. — Пей.

Я взял флягу. Отпил. Вода была тёплой, с привкусом железа, но это была лучшая вода в моей жизни.

— Спасибо, — сказал я.

Лом-Эли кивнул.

Сухой смотрел на меня. Ждал.

Я смотрел на него, на Лом-Эли, на странную троицу за их спинами, и думал только об одном: «Какого хрена я опять во всё это ввязался?»

Ответа не было.

Как не было и выбора.

Глава 20

10 августа 2025. Судьба — это когда тебя сначала пытаются убить, потом вербуют, а потом ты стоишь с убийцами на улице и куришь, потому что деваться всё равно некуда.

Глеб Сухой смотрел на меня. Я смотрел на него. В гараже пахло кровью, дерьмом и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который я уже начал узнавать как аромат смерти. Виктор без головы, лысый с дырой в груди. Два трупа за пять минут. Хороший показатель для человека, который утром просто хотел дописать курсач.

— Панчер, Борода, — сказал Глеб, не оборачиваясь. — Соберите пацанов. Трупы убрать. Потом в хижину.

Панк с серьгой — значит, Панчер — кивнул и сунул монтировку за пояс. Бродяга — Борода, логично — сплюнул на пол и начал доставать телефон.

— А с этими? — Борода кивнул на останки.

— В мешки и в воду. Стандарт.

— Понял.

Панчер уже набирал номер, отойдя в угол. Я слышал обрывки: «Да, работаем... В хижину, через час...».

— Передай Немому, — добавил Глеб. — Пусть подгоняет машину. Грузовик жалко конечно.

Борода тем временем достал из угла несколько чёрных мешков. Большие, плотные, мусорные. Я смотрел, как он ловко натягивает их на трупы, и чувствовал, что желудок снова начинает бунтовать.

— Ты как? — спросил Лом-Эли. Голос у него был спокойный, почти участливый.

— Нормально, — выдавил я. — Привыкаю.

— Привыкнешь, — кивнул он. — Ко всему привыкаешь. Даже к этому.

Он убрал кувалду на верстак. Я старался не смотреть туда, где только что была голова Виктора.

Глеб подошёл ко мне вплотную. Теперь, когда мы стояли лицом к лицу, я разглядел его получше. Лет сорок, не больше. Усталое, но живое лицо. Под глазами — мешки, как у человека, который не спал несколько суток. Но взгляд — цепкий, спокойный, без той пустоты, что была у Виктора.

— Выйдем, — сказал он. — Покурим. Поговорим.

Он развернулся и пошёл к выходу. Я посмотрел на Лом-Эли. Тот пожал плечами — мол, иди, чего встал. Дед, до этого стоявший в углу с ружьём наперевес, крикнул и двинулся следом. Я пошёл за ними.

Снаружи воздух был другим. Не чистым — промзона есть промзона, пахло гарью и химией, — но хотя бы не спёртым, не пропитанным смертью. Солнце уже клонилось к закату, и небо над трубами окрасилось в багровый цвет. Красиво. Как в фильме про конец света.

Глеб остановился у ржавого забора, достал пачку сигарет. «Парламент», синий. Протянул мне.

— Будешь?

— А у тебя «Винстона» нет?

— Есть только «Парламент». У Виктора можешь поискать, но там кровь на пачке.

— Давай «Парламент», — быстро сказал я.

Глеб усмехнулся. Протянул сигарету, щёлкнул зажигалкой. Я закурил. Никотин ударил в голову, и мир стал чуть более реальным. Или чуть менее — хер его разберёшь.

Лом-Эли достал свою сигарету — «Беломорканал», без фильтра, — прикурил от спички. Дед покопался в карманах телогрейки, извлёк самокрутку, похожую на маленькую сигару, и задымил так, что вокруг него образовалось облако, пахнущее махоркой и сушёными травами.

— И что теперь, — начал я, выпуская дым в багровое небо. — У меня много вопросов. Очень много.

Глеб затянулся, помолчал.

— Сухой — это фамилия. Не кличка, — сказал он. — Хотя, учитывая обстоятельства, кличка тоже подходит.

Я посмотрел на него. Он не шутил.

— Ладно, — сказал я. — Сухой так Сухой. А дальше?

— Эли, — он кивнул на Лом-Эли. Тот поднял бровь. — Если полностью, то Лом-Эли.

— Можно и Лом, — прогудел Эли. — Мне так привычнее.

— А это, — Глеб повернулся к Деду. — Это дед. Все зовут его дедом. Его настоящее имя я тебе не скажу, потому что уже и не важно. Говорит, когда старость наступила, имя стало лишним. Остальным — да, а себе — зачем?

Дед хмыкнул в бороду, выпустил клуб дыма.

— Молодые все с именами носятся. А я уже вышел на ту стадию, когда имя — это просто ярлык. Дед — и дед. Все знают, кто я, что я. Остальное — лишнее.

— А Панчер и Борода? — спросил я. — Их тоже как-то... символически?

— Панчер из-за шуток, — пояснил Глеб. — Борода — ну, понятно. Немой скоро пойдёт, сам увидишь.

— А вы? — я повернулся к Глебу. — Вы кто? Ловцы? Фабрика? Третья сила?

Глеб затянулся, выпустил дым колечком. Колечко получилось ровное, красивое. Я даже залюбовался.

— Ловцы, — сказал он. — Да, нас так называют. Только это название придумала Фабрика, чтобы нас демонизировать. Мы себя называем по-другому.

— Как?

— Никак. Мы просто люди, которые не хотят, чтобы их души использовали как заплатки. Я помолчал. Потом решил, что пора представиться, раз уж все рассекретились.

— Дмитрий, — сказал я. — Можно Дима. Студент-недоучка, алкоголик, вижу мёртвых и вожусь с призраками.

Лом-Эли усмехнулся. Дед крикнул.

— Нормальное представление, — сказал Дед. — Без выпендрёжа.

— Так, — я вернулся к главному. — Вы сказали, что Фабрика превращает души в заплатки. А вы... вы что, хотите, чтобы дыры в реальности оставались? Чтобы всякая херня лезла?

Глеб посмотрел на Деда. Дед кивнул.

— Мы хотим, чтобы дыры зашивали по-другому, — сказал Глеб. — Без использования человеческих душ. Мы ищем способ. И ты — возможный способ.

— Я? — я чуть не поперхнулся дымом. — Я — способ? Я — студент, который не может курсач дописать! Какой из меня способ?

— Ты — Сшиватель, — сказал Дед. Голос у него был скрипучий, но твёрдый. — Можешь входить в Забвение и возвращаться. Можешь выводить оттуда души. Можешь зашивать дыры без жертв. И еще хер пойми что, нужно пробовать.

— Откуда вы знаете? — я перевёл взгляд с Деда на Глеба. — Откуда вы вообще про меня узнали?

Дед сплюнул сквозь зубы.

— Я тебя в лесу встретил. Той ночью, которую Фабрика тебе стёрла.

Я замер. Вспышка памяти — лес, темнота, запах гнили и выстрел. Старик с ружьём. Крик: «Мою собаку оставьте!»

— Это вы были, — сказал я. — С ружьём. Вы в меня стреляли!

— В сторону стрелял, — поправил Дед. — Если б в тебя — попал бы. Я в твоём возрасте из дробовика монеты на лету сшибал.

— Зачем? Зачем вы стреляли?

— Шуганул. — Дед затянулся самокруткой, выпустил дым в сумерки. — Сиж у разрыва, слежу, чтобы никто не шастал. И вдруг — ты. С мешком, из которого тело выпало. С призраком. Я подумал — новый мусорщик пришёл, свидетеля убирать. Или душу собирать на заплатку.

— А потом?

— А потом ты начал с этим призраком разговаривать. Как с живым. И я понял — ты не фабрикант. Фабриканты с призраками не разговаривают. Они их в мешки и в кислоту. Или на нитки. А ты... ты с ним как с другом.

Я вспомнил. Не чётко, а смутно, как сон после похмелья. Призрака. Его рваные движения, дыру в животе, зелёное пламя.

— А что было потом? — спросил я. — С призраком? С телом?

Дед помолчал. Посмотрел на Глеба. Тот кивнул.

— Тело я сжёг, — сказал Дед просто. — Прямо там, в лесу. Костёр развёл, обложил камнями, чтобы огонь не ушёл. И спалил.

— Зачем? — я опешил. — Это же... это же улика! Труп!

— Труп — это сырьё для Фабрики, — жёстко сказал Дед. — Если бы они нашли тело, они бы его забрали. Обработали. Сделали бы заплатку. А душу, которая к тебе пришла, они бы поймали и... подшили бы куда-нибудь. В разрыв. Чтобы она там мучилась вечно, держа ткань реальности.

Я сглотнул.

— И вы... вы спасли его? Призрака?

— Я его отпустил, — Дед поправил шапку. — Когда тело сторело, душа освободилась. Ушла в Забвение. Туда, где ей и место. Не в заплатке.

— Но призрак сторел! — возразил я. — Зелёным пламенем! Я видел!

— Это не я, — Дед покачал головой. — Это Фабрика его нашла. Они отслеживают беглых духов. Если душа не успевает уйти в Забвение, они её... стирают. Чтобы не мешалась. Я думал, он успеет. Не успел.

В голосе Деда промелькнуло что-то. То ли горечь, то ли злость.

Я замолчал. Всё это было слишком. Слишком много для одного дня.

— Вы сказали, — начал я медленно, — что Фабрика использует души как заплатки. Что они мучаются. Откуда вы знаете?

Глеб и Дед переглянулись. Лом-Эли, до этого стоявший молча, тяжело вздохнул.

— Я работал на Фабрику, — сказал Глеб. — Дед тоже.

Я уставился на него.

— Что?

— Мы оба, — Глеб кивнул на Деда. — Он раньше, я позже. Мы верили. Верили, что спасаем мир. Что реальность ветхая, что дыры надо латать, иначе случится катастрофа. Что души умерших — это просто... материал. Сырьё. Что они всё равно уже не живые.

— А потом? — спросил я, хотя уже боялся ответа.

— А потом я увидел, — сказал Дед. Голос его стал глухим. — Меня послали на разрыв. Большой, в старом бомбоубежище. Там уже была заплатка — душа девчонки, лет семнадцати. Её убили год назад, и Фабрика её подшила. Она держала разрыв, но он всё равно пульсировал. Меня послали укрепить. Взять новую душу и... наложить поверх.

Дед замолчал. Затянулся. Рука с самокруткой чуть дрожала.

— Я пришёл туда. И увидел, как она... как эта девчонка... она не просто держала разрыв. Она кричала. Без звука. Но я чувствовал. Её боль. Её страх. Она не ушла. Она не покоилась с миром. Её заставили держать эту грань, пока она не рассыплется. Я стоял и смотрел, как она... выгорает. Медленно. Как свеча.

— И вы? — я едва дышал.

— Я не стал укреплять, — Дед выдохнул дым. — Я ушёл. Сказал, что разрыв стабилизировался сам. А потом начал копать. Узнавать. Оказалось, Забвение — это не ад. Это не место, где души мучаются. Это... пристанище. Дом. Там они находят покой, если их не трогать. А Фабрика... они выдирают их оттуда. И заставляют держать ткань реальности. Вечно.

Я смотрел на Деда. На его морщинистое лицо, на безумные глаза, на руки, сжимающие самокрутку. И понимал, что он не врёт. Не может врать.

— Я тоже работал на Фабрику, — сказал Глеб. — Тоже верил. Дед меня переубедил. Показал. Я видел эти заплатки. Видел, как души... как они кричат. И понял, что всё, во что я верил — ложь.

— А зачем Фабрике это? — спросил я. — Зачем им мучить души? Они же... они же вроде как за порядком следят?

Глеб и Дед снова переглянулись.

— Мы не знаем, — признался Глеб. — Но у нас есть подозрения.

— Какие?

— Фабрика говорит, что латает дыры, чтобы сохранить реальность. Что без заплаток мир рухнет. Но мы видели разрывы, которые они не латают годами. И ничего не рушится. А те, которые они латают, почему-то всегда в нужных местах. Возле банков. Возле хранилищ. Возле военных объектов.

— Вы думаете, они... используют души для чего-то ещё?

— Мы знаем, что используют, — сказал Лом-Эли. — Они не просто латают дыры. Они создают коридоры. Тропы между мирами. И используют их для... вытаскивания.

— Вытаскивания? — я не понял.

— Ты можешь пройти через Забвение, — объяснил Глеб. — Ты — живой. А мёртвые могут проходить сквозь стены, сквозь сейфы, сквозь охрану. Фабрика использует духов, чтобы проникать туда, куда нельзя. Чтобы забирать то, что нельзя. Мы не знаем, что именно и как именно. Но знаем, что это происходит.

— И вы хотите, чтобы я... что? Ходил туда? Выводил души? Мешал Фабрике?

— Да, — кивнул Глеб. — Но сначала — научиться. Понять, как это работает. Не сойти с ума. А потом — решать.

— А если я откажусь?

Глеб докурил, затушил окурок о забор.

— Если ты откажешься, Фабрика найдёт тебя. Сотрёт память. Перепрограммирует. Сделает из тебя инструмент. Ты будешь ходить в Забвение, выводить духов, и они будут зашивать дыры. Ты станешь их рабом. А если сломаешься — они выбросят тебя, как сломанный инструмент.

— А вы? — я посмотрел на Глеба, на Деда, на Лом-Эли. — Вы сделаете из меня раба?

— Нет, — Глеб покачал головой. — Мы сделаем из тебя союзника. Партнёра. Ты будешь работать с нами, пока не решишь уйти. Мы не стираем память. Не превращаем людей в заплатки. Мы просто... пытаемся вернуть душам покой. И понять, что на самом деле затеяла Фабрика.

— И что, уйти можно будет? Прямо взять и уйти?

— Можно. Но куда? Ты теперь — Сшиватель. Это не снимается. Ты всегда будешь видеть мёртвых. Всегда будешь чувствовать Забвение. И Фабрика всегда будет тебя искать. Без нас ты — мишень. С нами — у тебя есть шанс.

Я докурил. Бросил окуроч в лужу. Окуроч зашипел и погас.

— Ладно, — сказал я. — Допустим. А что было той ночью? Когда вы меня в первый раз привезли в гараж? Панчер и Борода? Вырубили меня?

Глеб усмехнулся. Усмешка была кривая, но не злая.

— Да. Пришли поговорить. Панчер и Борода нашли тебя дома. Собирались просто поговорить, но ты начал орать и напугал их. Пришлось вырубить. Потом привезли в гараж, допрашивали. А ты ничего не помнил. Совсем. Мы поняли, что тебе стёрли память. И что ты — не враг. Ты — жертва.

— И отпустили меня? С сигаретами?

— Лом настоял, — Глеб кивнул на Давида. — Сказал, что ты похож на его племянника. Тоже всё время шутит дурачки.

— А потом Фабрика вас перехватила, — добавил Лом-Эли. — Мы не успели. Они забрали тебя. Завербовали. Мы следили, ждали момента. И когда они послали вас в промзону... мы устроили засаду.

— И устроили. Охуительно устроили. Виктора убили. Лысого убили. Меня чуть не раздавили грузовиком. Сработали, блядь, как профессионалы.

— Ты жив, — сказал Глеб. — Это главное. Виктор и лысый — враги. Они работали на Фабрику осознанно. Их смерть — это цена.

— А моя жизнь? — я встал. Ноги дрожали, но я держался. — Тоже цена? Вы использовали меня как наживку? Чтобы выманить Фабрику?

— Да, — просто ответил Глеб. — Использовали. Но сейчас ты тот, кто может нам помочь.

Я хотел заорать. Хотел вцепиться ему в горло. Хотел убежать. Но вместо этого я просто стоял и смотрел на него.

— Ты злой, — сказал Глеб. — Это правильно. Злись. Но пойми: выбор у тебя всё тот же. Или ты с нами. Или ты против нас. Или сам по себе, что в твоём положении хуже всего

Я молчал. В голове крутились обрывки: ванная, призрак, лес, зелёное пламя, гараж, кувалда, кровь. Всё смешалось в один комок.

— А что будет, если я соглашусь? — спросил я. — Что дальше?

Глеб посмотрел на небо. Багровые краски уже сменялись сумерками.

— Дальше — поедem в хижину. Там база. Познакомишься с остальными. Отдохнёшь. А завтра... завтра начнём учиться.

— Учиться? Чему?

— Входить в Забвение. Управлять даром. Не сходить с ума от того, что видишь.

— А если я не смогу? Если у меня не получится?

Дед хмыкнул.

— Ты уже был там, — сказал он. — Когда наглотался таблеток. Был в Забвении и вернулся. Значит, сможешь.

— И вы всё это время следили за мной по дороге из леса?

— Не следили, — поправил Глеб. — Присматривали. Мы знали, что ты появился. Ждали, когда Фабрика объявится. И они объявились.

— И вы меня подставили.

— Мы тебя спасли, кретин, — твёрдо сказал Глеб. — Если бы не мы, ты сейчас был бы в их лаборатории. С зондом в голове.

Я посмотрел на него. Потом на Деда. Потом на Лом-Эли.

— Ладно, — сказал я. — Допустим. А что насчёт курсача? Мне его сдавать послезавтра.

Тишина. Лом-Эли замер с сигаретой у рта. Дед перестал жевать самокрутку. Глеб посмотрел на меня так, будто я сказал что-то невероятное.

— Ты сейчас серьёзно? — спросил он.

— Абсолютно. Если не сдам, меня отчислят. А если отчислят, то заберут отсрочку и призовут в армию. А я в армии не выживу.

Глеб молчал секунд пять. Потом засмеялся. Громко, искренне, впервые за всё время. Лом-Эли усмехнулся, Дед крикнул, но в глазах у старика тоже заплясали смешинки.

— Ты точно ненормальный, — сказал Глеб, отсмеявшись. — Тебя только что пытались убить, завербовали, ты видел, как человеку разможили голову кувалдой, а ты переживаешь о курсаче.

— У каждого свои приоритеты, — буркнул я.

— Курсач сдашь, — сказал Лом-Эли. — Потом. Сейчас дела поважнее.

— А если меня отчислят?

— Не отчислят, — Глеб успокаивающе поднял руку. — У нас есть люди, которые решают такие вопросы. Сделаем так, что тебе продлят срок. Или поставят зачёт автоматом. Фабрика умеет стирать память, а мы умеем договариваться с деканатом.

— И в армию не заберут?

— Не заберут.

— А квартплату кто платить будет?

Глеб посмотрел на меня с уважением.

— Ты упёртый. Это хорошо. Значит, не сломаешься. А квартплату... решим уж как-то

— А печенье? — спросил я.

— Что? — Глеб нахмурился.

— Печенье есть? Шоколадное, с кусочками шоколада?

— Ты издеваешься?

— Нет, — честно сказал я. — Просто у Фабрики было печенье. Очень вкусное. Если у вас такого нет, я, может, передумаю.

Глеб посмотрел на меня долгим взглядом. Потом достал телефон, нажал кнопку.

— Борода, — сказал он в трубку. — Купи печенье. Шоколадного, с кусочками шоколада. Да, срочно. И сигареты «Винстон». Две пачки.

Он убрал телефон.

— Всё, — сказал он. — Теперь ты с нами.

— А если бы не купили?

— Купили бы. Ты упёртый, я упёртый. Договорились бы.

Я хотел сказать что-то ещё, но в этот момент со стороны гаража послышался шум. Из-за угла выехала машина. Старая «Нива», грязная, битая, но на ходу. За рулём сидел человек.

Он был огромным. Не таким, как Лом-Эли — тот был широкий, мощный, как шкаф. Этот был просто большой. Высокий, под два метра, с плечами, которые едва помещались в салоне. Лицо — спокойное, с крупными чертами, с короткой стрижкой. Глаза — тёмные, внимательные. Он смотрел прямо перед собой, не моргая.

— Немой, — сказал Глеб. — Подогнал.

— Немой? — переспросил я. — Он что, не говорит?

— Пока не слышал ни слова.

Немой вышел из машины. Оглядел нас, кивнул Глебу, перевёл взгляд на меня. Я почувствовал себя маленьким. Очень маленьким.

Он посмотрел на меня ещё секунду, потом кивнул и полез обратно в машину.

Я повернулся к Глебу.

— Он что, меня оценил?

— Оценил.

— И это всё? Никаких проверок, тестов, инициаций?

— А ты хотел? — Глеб усмехнулся. — Мы не Фабрика. У нас всё просто. Ты с нами — значит, ты с нами. Проверки будут потом. Работой.

В этот момент из гаража вышли Панчер и Борода. За ними — ещё двое, которых я не видел раньше: невысокий плотный мужик с круглым лицом и девушка в короткой стрижке, с автоматом на плече. Они несли последние мешки и грузили их в багажник «Нивы». Немой помогал молча, без лишних слов.

— Всё? — спросил Глеб.

— Всё, — кивнул Панчер. — Чисто.

— Погнали.

Мы расселись по машинам. Я сел на заднее сиденье «Нивы» между Лом-Эли и Дедом. Лом-Эли пах табаком и потом. Дед — лесом и порохом. Панчер, Борода и остальные поехали на второй машине — старом микроавтобусе, который я даже не заметил, как подъехал.

«Нива» завелась с пол-оборота. Немой повёл машину уверенно и резво. Глеб сидел на переднем сиденье, смотрел в окно.

Я смотрел на проплывающие мимо ржавые заборы, брошенные ангары, кучи мусора. Промзона постепенно сменялась пустырём, пустырь — редкими домами, дома — лесом. За окном темнело.

— А далеко та хижина? — спросил я.

— Часа два, — ответил Глеб, не оборачиваясь. — Можешь поспать.

— Не усну.

— Уснёшь. Ты же человек. Устал.

Я хотел возразить, но тут же понял, что Глеб прав. Усталость навалилась внезапно, как мешок с песком. Глаза слипались, тело ныло, голова гудела.

— Дим, — сказал Лом-Эли рядом. — Спи. Мы разбудим.

— А если не разбудите?

— Разбудим. Ты нам нужен живой.

— И с печеньем?

— И с печеньем.

Я закрыл глаза. Машина покачивалась на ухабах, и это укачивало, как в детстве. За окном шуршал ветер. Где-то далеко лаяла собака. Или не лаяла, а выла. Или это мне уже мерещилось.

— Глеб, — пробормотал я, проваливаясь в сон. — А вы... вы правда сможете меня защитить?

Тишина. Потом голос Глеба, спокойный, твёрдый:

— Сможем. Мы уже защитили. Ты жив, они мертвы. Это первый шаг.

— А второй?

— Второй — научишься защищать себя сам.

— А третий?

— Третий — поймёшь, зачем ты здесь. На самом деле. Не потому, что мы заставили, а потому что сам решишь.

— А вы? — спросил я, уже едва ворочая языком. — Вы зачем здесь? Вы же верили Фабрике. Потом разуверились. Теперь вот... Ловцы. Зачем вам всё это?

Глеб молчал долго. Я уже думал, что он не ответит. Но потом услышал:

— Затем, что когда видишь, как душа кричит без звука, понимаешь: либо ты что-то делаешь, либо ты — часть этого крика. Я не хочу быть частью крика. И Дед не хочет.

— А Лом-Эли? — прошептал я.

— Лом-Эли просто любит бить фабрикантов кувалдой. У каждого свой путь.

Лом-Эли хмыкнул. Дед крикнул.

— А ты, Дим, — сказал Дед. — Ты просто спи. Потому что завтра начнётся самое интересное.

— Что? — спросил я, проваливаясь в темноту.

— Учиться входить в Забвение, — голос Деда звучал всё дальше, как сквозь воду. — Встретишься с теми, кого мы там оставили. Может, даже с тем призраком, которого я отпустил. Если он ещё не ушёл совсем.

Я хотел спросить, как его зовут. Того призрака. Но язык уже не слушался. Последняя мысль, ускользающая, как дым: «Серёга. Как же тебя звали? Или я тебя выдумал?»

А потом — ничего. Только темнота, мягкая, как вата, и где-то далеко — тихий собачий вой.

Или не вой. Может, ветер.

В любом случае, мне было уже всё равно.

Глава 21

Глава 21.

11 августа 2025. Просыпаться в чужой постели, в одежде, пропитанной чужой кровью, и слышать за окном не сирены, а птиц — это такой уровень абсурда, что даже мой мозг, привыкший к пиздецу, подвис.

Сознание возвращалось медленно, как выздоровление после многодневного запоя. Сначала — ощущение. Мягкое. Тёплое. Я лежал на чём-то, что определённо не было моим продавленным диваном, где пружины впиваются в позвоночник ещё до того, как ты ляжешь. Это была настоящая кровать. С нормальным матрасом. С подушкой, которая не пахнет потом и старыми окурками.

Я открыл глаза.

Потолок был деревянным. Не бетонная плита с трещиной, а аккуратные, чуть потемневшие от времени доски. Где-то над головой гудел вентилятор — медленно, лениво, разгоняя тёплый воздух. Солнечные зайчики прыгали по стенам, отражаясь от воды за окном.

Я приподнялся на локтях. Комната была небольшой, но уютной. Деревянные стены, застеленные циновками. Шкаф из неструганых досок. Стол, на котором стояла кружка с водой и тарелка с несколькими кусками хлеба, прикрытыми полотенцем. На полу — домотканый половик, такой мягкий, что казалось, будто ступаешь по облаку.

И везде — запах дерева, реки и чего-то жареного. Боже, я чувствовал запах жареного. Настоящей еды.

Я посмотрел на себя. Серый пиджак «Фабрики» был измазан кровью. Засохшей, бурой, ввевшейся в ткань. На рукавах — тёмные пятна, на груди — россыпь брызг. Таких же, как на голове Виктора.

— Блядь, — выдохнул я. — Я в этом спал.

Память подкинула картинку: гараж, кувалда, Лом-Эли, Виктор без лица. Меня передёрнуло. Но странное дело — рядом с тошнотой пришло и другое чувство. Какое-то... спокойствие. Будто всё, что случилось, осталось там, в промзоне. А здесь — другой мир. Мир, где пахнет едой и деревянные стены.

Я встал. Ноги слушались, голова не болела. Я даже потянулся, хрустнув позвоночником, и удивился, что рёбра целы. Вчера меня чуть не раздавил грузовик, а сегодня я чувствую себя лучше, чем после обычной пятницы.

Кровь на пиджаке, конечно, смотрелась эффектно. Как будто я только что с модной фотосессии в стиле «киберпанк-убийца». Я попытался оттереть пятна влажной тряпкой, которую нашёл на столе, но они только размазались. Плюнул.

— Похуй, — сказал я вслух. — Это теперь моя униформа.

Я сунул ноги в кеды, которые кто-то заботливо поставил у двери, и вышел.

Солнце ударило в глаза, заставив зажмуриться. Воздух был чистым, как в детстве, когда я ещё выезжал с родителями на дачу. Пахло рекой, нагретой сосной и... жареной картошкой. Где-то жарили картошку. С луком.

Я открыл глаза и замер.

Лагерь раскинулся на берегу реки. Широкой, спокойной, с водой, которая блестела на солнце, как жидкое золото. Вдалеке виднелся противоположный берег — лес, уходящий к горизонту. Прямо передо мной, метрах в двадцати, была пристань — деревянный настил на сваях, сколоченный на совесть, но уже потемневший от воды и времени. У пристани покачивалась на волнах старая моторная лодка, облезлая, но явно на ходу. Рядом валялись вёсла и перевернутое пластиковое каное.

Домики стояли полукругом, обращённые фасадами к реке. Их было штук десять-двенадцать. Все одинаковые: деревянные, с покатыми крышами, с маленькими верандами, на которых стояли плетёные кресла и столики. Между домиками — тропинки, посыпанные опилками. В центре стояла большая беседка с длинным столом и скамьями. Рядом с ней был мангал, из которого всё ещё тянулся дымок. И везде — люди.

Они сидели на лавочках, ходили по тропинкам, курили, болтали. Кто-то в одних трусах грелся на солнце, кто-то чистил рыбу на пристани, кто-то просто сидел с книжкой. Обычная база отдыха. Никаких автоматов, никакой военной выправки. Просто люди, которые приехали на выходные, чтобы забыть о делах.

Я стоял и пялился на это, чувствуя себя героем фильма, которого случайно закинули в чужую реальность. Вчера — кувалда, трупы, допросы. Сегодня — идиллия. Мозг отказывался синхронизировать эти две картинки.

— О, проснулся!

Голос раздался сбоку. Я обернулся. Ко мне шёл Панчер. Вчерашний панк в косухе, с серьгой в ухе, сейчас был в растянутой майке с черепом, шортах и резиновых шлёпанцах. Косуха, видимо, осталась в гараже. Монтировки при нём не было, зато в руке он держал две пачки сигарет.

— Здравова, — сказал он, протягивая одну пачку. — «Винстон». Твои.

Я взял пачку. Синяя, классика.

— Спасибо, — сказал я. — А...?

— Печенье на столе, в беседке, — Панчер кивнул в сторону центра. — Но торопись. Борода уже начал его разбирать. Сказал, что оно «для нервных», а сам полпачки сожрал.

Я хотел спросить, почему Борода нервный, но решил, что сейчас не время. Панчер хлопнул меня по плечу, чуть не сбив с ног, и пошёл дальше, что-то напевая себе под нос.

Я остался стоять посреди тропинки, сжимая в руке «Винстон». Первая мысль была — закурить. Но я решил сначала осмотреться. В конце концов, я здесь первый раз. И, кажется, надолго.

Я двинулся вдоль домиков, стараясь не пялиться слишком откровенно, но это было сложно. Лагерь выглядел как картинка из журнала «Загородная жизнь». У каждого домика была своя небольшая веранда, на некоторых висели связки трав, сушёная рыба, старая сеть. На одной из веранд я заметил гитару, прислонённую к стене. На другой увидел несколько пар резиновых сапог, выстроенных по росту.

Тропинки вились между домиками, и я брёл по ним, как муравей, который случайно попал в муравейник и теперь пытается понять, где тут столовая. Вокруг кипела жизнь, но какая-то... мирная. Не суетливая.

Вот из одного домика вышел мужик в семейных трусах и майке-алкоголичке, с чашкой кофе в руке. Он зевнул, сел в кресло-качалку и уставился на реку. Вот две женщины средних лет сидели на лавочке и о чём-то тихо говорили, время от времени смеясь. Одна из них — с короткой стрижкой и родинкой над губой — вязала что-то неопределённое, вторая — полная, с пучком на макушке — чистила яблоко ножом, нарезаая его тонкими дольками.

— Привет, — сказала та, что с яблоком, когда я проходил мимо. — Выспался?

— Ага, — кивнул я, чувствуя себя неловко. — Спасибо.

— Кровь с пиджака не отстираешь, — заметила вязальщица, не поднимая глаз. — Я пробовала. Кровь же она как масло. Въедается.

Я сглотнул.

— Ладно, — сказала вязальщица. — Бывает. Не парься. Вон, у Лом-Эли вонь от телогрейки уже такая, что её даже в реке не отстирать, а ничего, живёт, хоть и вонючий.

— Я, между прочим, всё слышу, — донеслось с другого конца лагеря. Лом-Эли стоял у пристани, закатав штанины, и полоскал в воде какую-то тряпку. — Пару раз в неделю стираю, слегка помогает.

— Пару раз в неделю — это хрень, — крикнула вязальщица. — Это гигиеническая процедура.

— А вот и гигиеническая, — согласился Лом-Эли. — Но я всё равно не воняю, как ты после своих тренировок.

— У меня пот чистый! — возмутилась вязальщица.

— Пот не бывает чистым, Катюх! — крикнул кто-то из дальнего домика. — Пот — это отходы организма!

— А ты вообще молчи, Юра! — ответила Катюха. — Ты вчера три банки тушёнки сожрал, у тебя пот будет с мясным вкусом!

Разговор перерос в лёгкую перепалку, которая, судя по всему, была здесь обычным делом. Никто не обижался, все улыбались. Я пошёл дальше, чувствуя, как напряжение в плечах потихоньку отпускает.

Я свернул к пристани, чтобы посмотреть на реку. Дон — или это был не Дон? — тек медленно, величественно. Вода казалась тёмной, почти чёрной, но у берега просвечивала до дна. На дне — камни, покрытые тиной, и редкие стайки мальков.

У пристани на перевёрнутой лодке сидел Немой. Тот самый огромный молчун. Он сидел, скрестив ноги, и смотрел на воду. Рядом с ним лежала удочка — самая простая, из тех, что продают на рынке за двести рублей.

— Здорово, — сказал я, не зная, как к нему обращаться.

Немой медленно повернул голову. Его тёмные глаза были спокойными.

— Рыба клюёт?

Молчание.

— А ты вообще меня понимаешь?

Немой молча кивнул.

Я хмыкнул. Немой посмотрел на меня, и мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то вроде усмешки.

Интересно, это фишка или дефект его. Но уточнять я не стал. Он отвернулся к воде. Я понял, что разговор окончен, и пошёл дальше.

Обойдя пристань, я вышел к беседке. Она была большой, с деревянным полом, сколоченным из широких досок, и крышей из тёмного шифера. Внутри стоял длинный стол, на котором вперемешку лежали остатки завтрака: тарелки с хлебом, миска с огурцами, банка с вареньем, пара кружек. И посреди всего этого — жестяная коробка из-под печенья.

Коробка была открыта. Я заглянул внутрь. Печенья оставалось штук пять. Шоколадные, с кусочками шоколада. Те самые.

— Тут почти всё общее, — раздался голос за спиной.

Я обернулся. На скамье, прислонившись к столбу, сидел Борода. Вчерашний бродяга сейчас был в простой серой футболке и трениках, с большой кружкой чая в руках. Борода его была расчёсана и даже слегка подстрижена, а в глазах не было вчерашней злобы. Только лень.

— Борода, — сказал я. — Ты сожрал моё печенье.

— Общее, — он кивнул на коробку. — Тем более еще пять штук осталось. Деликатно так оставил.

— А было больше.

— Было, — согласился Борода. — Но я же не один жрал. Панчер пару утащил, Лом-Эли один взял, Немой вообще молча три штуки сожрал. Я ему говорю: «Ты хоть спроси», а он смотрит и молчит. Как с ним спорить?

Я взял печенье, откусил. Оно было таким же вкусным, как у Фабрики. Или даже вкуснее — после вчерашнего любая еда казалась божественной.

— Слушай, — сказал я, жуя. — А сколько вас тут вообще?

— В лагере? — Борода задумался. — Сейчас... шестнадцать. Кого-то нет — чем-то заняты, кто-то спит. Но вообще шестнадцать. Плюс ты — семнадцатый.

— Шестнадцать человек? — я оглядел лагерь. — И все Ловцы?

— Ага. Кто больше, кто меньше. Но все свои. — Он отхлебнул чай. — Ты пока осмотришься, привыкни. К обеду соберёмся, познакомишься со всеми.

Я кивнул и вышел из беседки, прихватив коробку с печеньем. Решил прогуляться по лагерю, пока есть время.

Лагерь жил своей размеренной жизнью. Я шёл по тропинке между домиками и слышал обрывки разговоров. Они были настолько обыденными, что у меня создавалось ощущение, будто я случайно забрёл в чужой отпуск.

У одного из домиков двое парней — один в очках и с планшетом, второй спортивного вида, с короткой стрижкой — спорили о фильмах.

— Слушай, — говорил спортивный, — «Криминальное чтиво» — это, конечно, классика, но «Бешеные псы» лучше.

— Да ты с ума сошёл! — возмущался очкарик. — «Бешеные псы» — это проба пера, сырой материал. А «Криминальное чтиво» — это уже чистый бриллиант.

— Сцена с ухом в «Бешеных псах» перебивает всё «Криминальное чтиво» вместе взятое!

— Ты просто любишь жестокость, а я люблю диалоги.

— А «Убить Билла»? — вступил в разговор проходивший мимо Панчер. — Там тоже диалоги неплохие.

— Там вообще другое, — отмахнулся очкарик. — «Убить Билла» — это чисто стиль.

— А мне больше нравится «Джанго», — сказал кто-то из-за угла.

— А вот «Джанго» — это уже старость, — авторитетно заявил очкарик. — Там Тарантино начал повторяться.

Я прошёл мимо, улыбнувшись. Спор о Тарантино на базе Ловцов — это было так неожиданно, что я даже забыл о крови на пиджаке.

Дальше, у мангала, сидели двое: невысокий плотный мужик с круглым лицом (я видел его вчера) и девушка с короткой стрижкой, которая тоже была в гараже. Они резали овощи в большую миску.

— Я говорю, лук надо крупно резать, — говорил мужик. — Чтобы чувствовался.

— А я говорю, мелко, — возражала девушка. — Тогда он равномерно распределяется.

— Равномерно — это для супа. А для шашлыка нужно, чтобы куски были.

— Для шашлыка нужен хороший шашлык, а не лук.

— А хороший шашлык без лука не бывает!

— А хороший лук без шашлыка — это просто лук.

Они переглянулись и засмеялись. Мужик протянул ей помидор.

— На, порежь. Крупно.

— Крупно, так крупно, — девушка взяла нож.

Я пошёл дальше, чувствуя, как где-то внутри оттаивает что-то, что было сковано страхом и усталостью.

У реки, на лавочке, сидели две женщины. Одну я уже видел — вязальщица Катя. Вторая была моложе, лет двадцати пяти, с длинными тёмными волосами, собранными в хвост. Она что-то читала с планшета, иногда комментируя вслух.

— Слушай, Кать, — сказала она. — Вот тут пишут, что если каждый день есть гречку, то можно похудеть.

— Глупости, — отрезала Катя, не отрываясь от вязания. — От гречки только худеют, если её вообще не есть. А если есть, то толстеют. Я вот на прошлой неделе гречку ела — и ничего, не похудела.

— Так ты её с маслом ела.

— А что, без масла нельзя? Это же не еда, а наказание.

— Вот именно. Поэтому ты и не худеешь.

— А я и не хочу худеть, — Катя гордо выпрямилась. — Я в самом соку. А вот ты, Кира, если будешь гречку с маслом жрать, скоро в дверь не пролезешь.

— Кать!

— Шучу, шучу. — Зина засмеялась, показывая щербатый ряд зубов. — Ешь на здоровье. Главное, чтобы вкусно было.

Я пошёл к пристани, обходя стороной Немого, который всё ещё сидел с удочкой. На этот раз я заметил, что рядом с ним на перевёрнутой лодке стоит блюдо с печеньем. Моим печеньем.

— Немой, — сказал я, подходя. — Ты моё печенье сожрал.

Он медленно повернул голову и улыбнулся.

— Вкусно?

Он протянул блюдо.

— Да ешь ты уже — мне стало даже как-то стыдно.

Он продвинул ещё дальше.

Я взял печенье. Откусил. Мы сидели и смотрели на воду. Где-то за спиной спорили о Тарантино, резали овощи, вязали, чистили рыбу. Обычные люди. Обычный день.

— Немой, — спросил я, жуя. — А ты давно здесь?

Он помолчал.

Я хотел спросить ещё что-то, но Немой поднял палец, призывая к тишине. Поплавок на его удочке дёрнулся. Раз, другой. Немой замер, превратившись в статую.

Поплавок ушёл под воду. Немой резко подсек, и леска натянулась. Он начал вываживать рыбу медленно, без суеты. Через минуту на берегу лежал крупный лещ, сверкающий чешуёй на солнце.

— Ого, — сказал я.

Он поднялся, взял леща и удочку и пошёл в сторону беседки. Я остался сидеть на пристани, глядя на воду.

Солнце поднялось уже высоко, и река блестела так, что глазам было больно. Где-то за домиками кто-то заиграл на гитаре — неуверенно, но с душой. Пахло дымом, жареной картошкой и речной водой.

Я сидел и думал о том, как странно устроен мир. Вчера я был в гараже, где человеку разможили голову кувалдой. Сегодня я сижу на пристани, ем печенье и смотрю на реку. И эти люди, которые вчера убивали, сегодня режут лук для шашлыка и спорят как ни в чём не бывало.

— Дим! — крикнул кто-то от беседки. Я обернулся. Панчер махал рукой. — Иди сюда! Знакомиться будешь!

Я встал, отряхнул крошки с пиджака. Кровь на нём уже почти высохла, превратившись в тёмные пятна, которые, наверное, так и останутся со мной навсегда. Как память.

Я пошёл к беседке. Люди собирались вокруг стола, кто-то тащил стулья, кто-то ставил тарелки. В центре стоял Лом-Эли с большой миской картошки, от которой шёл пар. Дед появился из-за домика с охапкой дров для мангала. Борода нёс хлеб.

— Садись, — сказал Глеб, появляясь из своей комнаты. Он был в простой футболке и джинсах, без пальто. Выглядел он почти нормально. Почти. — Завтракать будем.

Я сел за стол. Рядом со мной оказались Панчер и Катя. Напротив — Борода и Кира. Глеб сел во главе, Немой — с краю, положив перед собой пойманного леща.

— Немой, убери рыбу, нахрен она тут будет вонять? — крикнул Глеб, он явно не любил беспорядок.

Немой неглядя схватил рыбу и бросил как будто наотмашь вправо. Рыба попала точно в ведро с водой.

По лицам всех было понятно, что он так делает постоянно.

— У нас сегодня будет уха, — добавила Кира, та самая, с длинными волосами. — И шашлык. Ты любишь шашлык?

— Обожаю, — честно сказал я.

— Из фабрикантов вчерашних, — усмехнулся Панчер.

Я замер. Спусти пару секунд тишины, все засмеялись смотря на мою реакцию.

Я смотрел на этих людей. На их лица, на их руки, на то, как они передают друг другу хлеб, как шутят, как смеются. И думал о том, что, возможно, здесь я впервые за долгое время чувствую что-то, кроме страха и усталости.

— Дим, — сказал Глеб, когда все уселись. — Ты теперь с нами. Правила простые: не лезь один в Забвение, не пытайся сбежать — себе навредишь, и делись печеньем с Бородой. Он нервный.

— Я не нервный! — возмутился Борода. — Я просто голодный!

— Ты всегда голодный, — заметила Катя.

— Потому что я расту!

— Ты, Борода, уже не растешь. Ты расширяешься.

Все засмеялись. Борода обиженно насутился, но тут же улыбнулся.

Я взял кусок хлеба, намазал его вареньем. Вкус был невероятным. Или это просто казалось после всего, что случилось.

— А что дальше? — спросил я, жуя.

— Дальше, — Глеб посмотрел на меня, — дальше будем учиться. Входить в Забвение. Управлять даром. Не сходить с ума.

— Это сложно?

— Очень, — сказал Дед. — Но ты справишься. Ты уже там был. И вернулся. Это главное.

Я кивнул. В голове всё ещё была каша, но где-то глубоко, на самом дне, зарождалось что-то новое. Не страх, не отчаяние. Может, надежда. Или просто любопытство.

— Дим, — сказал Панчер, протягивая мне ещё одно печенье. — Держи. Борода больше не возьмёт.

— А вот и возьму! — Борода потянулся за печеньем.

— Не возьмёшь!

— Возьму!

— А ну цыц! — рявкнул Дед. — Оба! Печенье для нового бойца. А вы, старые, ждите ужина.

Панчер и Борода переглянулись, но спорить не стали. Я взял печенье, откусил. Шоколад таял на языке, смешиваясь со вкусом варенья и хлеба.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответил Глеб. — Добро пожаловать в семью.

Я посмотрел на реку, на домики, на людей, которые улыбались и шутили, и вдруг понял, что впервые за долгое время мне не хочется напиться до беспамятства. Не хочется спрятаться. Не хочется исчезнуть.

Мне хочется остаться. Посмотреть, что будет дальше.

— Ладно, — сказал я, допивая чай. — Где тут у вас душ? А то я, кажется, вчера весь в крови.

— Вон там, — показала Наташа. — Третий домик. Горячая вода есть. И полотенце я тебе положила.

Я встал, взял печенье на дорожку и пошёл к домику. За спиной снова зашпорили о чём-то. Обычные голоса. Обычная жизнь.

Я шёл по тропинке, смотрел на солнце, пробивающееся сквозь сосны, и чувствовал, как где-то внутри, на месте, где раньше была пустота, появляется что-то новое. Тёплое. Живое.

Может, это и есть то самое место. Где можно не бояться. Где можно просто быть. И где, возможно, я наконец пойму, кто я такой и зачем я здесь.

Я зашёл в душ, стянул пиджак, посмотрел на пятна крови.

Вода была горячей. Я стоял под струёй и смывал с себя вчерашний день. Кровь уходила медленно, но уходила.

Когда я вышел, на веранде меня ждало чистое полотенце и свежая футболка. Простая, серая, без надписей. Рядом лежали новые джинсы, носки и даже трусы.

— Глеб постарался, — усмехнулся я, вытираясь.

Я оделся, вышел на солнце. Лагерь жил своей жизнью. Где-то жарили мясо, где-то играла гитара, кто-то смеялся.

Я пошёл к беседке, чувствуя себя почти человеком.